
БИБЛИОТЕКА МАТРОСА
Б. ЯГЛИНГ
Поход „Северянки"

Б И Б Л И О Т Е К А   М А Т Р О С А

Борис ***ЯГЛИНГ***

ПОХОД „СЕВЕРЯНКИ“

ПОВЕСТЬ

ВОЕННО-МОРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОЕННО-МОРСКОГО МИНИСТЕРСТВА СОЮЗА ССР
МОСКВА—1951

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор Н. Н. ПАНОВ

Технический редактор Г. Н. НИКИТИН. Корректор О. М. НАЗАРОВА.

ГМ290598. Подписано к печати 6.9.51. Изд. № 1/320.

Формат бумаги $70\times108^{1}/_{32}$ — 1,25 бум. л. = 3,42 печ. л. Зак. 718.

1-я типография имени С. К. Тимошенко

Управления Военного Издательства Военного Министерства Союза ССР

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОЯВЛЕНИЕ «ДЯДИ НАДИ»

Тимофей Лукич Плескач — командир соединения подводных лодок Северного флота — очень любил в походе соленые сухарики. Он насыпал ими полные карманы и грыз их, не торопясь и почти не переставая. Поэтому, когда командир гвардейской подводной лодки «Северянка» Логинов приказал коку запастись солеными сухариками, у многих на лодке возникли вполне определенные предположения.

Вскоре эти предположения подтвердились, потому что вестовой пронес в каюту командира хорошо всем известный потертый фибровый чемоданчик. С этим чемоданчиком капитан первого ранга Плескач всегда ходил в море.

Знаменательно было и появление замполита подразделения Орлова.

Орлов пришел на катере еще с утра, снаряженный по-походному.

Командир соединения и замполит подразделения — это было слишком щедро для «Северянки»! Поход пред-

стоял, повидимому, особо ответственный. Каждый из экипажа отлично понимал это, но обычай требовал не подавать виду, что тебе что-нибудь известно.

«Северянка» одиноко стояла на рейде в дальней губе; над ней несся с тоскливым воем неугомонный снежный вихрь, но в кают-компании лодки было почти уютно. Радиорепродуктор мурлыкал вальсы, над столом покачивался оранжевый шар лампы, расписанный китайскими тенями, а вокруг на узеньком красном диване и стульях-разножках разместились шестеро офицеров.

Все они были в валенках, в ватниках и меховых шапках-ушанках. И только на механике Новгородцеве, отличавшемся особым вниманием к своей внешности, была черная с белым кантом форменная пилотка подводника.

В эту минуту механик, ворча, штопал продравшийся носок, его сосед — минер Мельничанский — невозмутимо пришивал пуговицы к кителю. Остальные с ожесточением сражались в увлекательную игру, которую лишенные воображения сухопутные люди называют «домино» и которая на любом корабле именуется «морским козлом».

— Мне жаль вас, дорогой друг, — шутливо заметил Мельничанский, глядя на мучения Новгородцева, штопавшего носок. — Пробоина у вас довольно большая, особенно в пятке. А штопать вы совсем не умеете, товарищ гвардии инженер-капитан-лейтенант, прямо скажем.

— Молчали бы, «специалист»! — отшутился Новгородцев.

Но это не произвело никакого впечатления. Унять Мельничанского было нелегко. Минер подышал на очередную пуговицу, которую собирался пришить, обтер ее о ватник и мечтательно вздохнул.

— Все! — торжествующе возгласил штурман Сахаджиев, ударяя костяшкой по столу. — Считайте «рыбу»!..

— Сорок два, — уныло признались проигравшие, подсчитав очки...

— Работайте, работайте, — покрикивал на них штурман. — А мы будем «сушить весла»...

Выигравшие штурман Сахаджиев и старпом Евсеев декоративно поставили локти на стол и стали болтать руками, согнутыми в кисти. Это означало, что они «сушат весла». Проигравшие Логинов и Орлов принялись «работать» — мешать на столе костяшки. Игра продолжалась.

— У меня был приятель, совторгфлотский капитан, — предался воспоминаниям маленький, неугомонный штурман, поблескивая живыми черными глазками. — Морячина! Весь мир облазил. Как забьет «козла», сейчас книжку достанет и запишет — кого обыграл, при каких обстоятельствах, число и координаты. Бывало, начнет читать эту книжечку — заслушаешься... Ну, а мы долго еще будем болтаться в этой губе?.. «Порожняя» — одно название чего стоит...

— Думаю, что долго не простоим, — успокоил его командир лодки Логинов. Обветренное широкоскулое лицо командира с крепко сомкнутым упрямым ртом могло казаться спокойным и суровым, если бы не лукавство, весело притаившееся в мелких морщинках у глаз. Но глаза Логинова не смеялись — зоркие, пристальные, серые глаза.

— Мы свое дело сделали, а там — как начальство... Девиацию уничтожили, на мерную милю сходили, механизмы в порядке — в любую минуту выйдем, как только прикажут. Я думаю...

В этот момент открылась дверь из центрального поста, и вестовой попросил у Логинова разрешения войти. «Да», — сказал Логинов и умолк. Расспрашивать командира не принято. И поэтому никто не посмел вернуться к интересовавшей всех теме.

— Внизу! — закричал голос с мостика. — Доложите командиру: к лодке идет моторный катер!..

Услышав эти слова, Логинов и Орлов встали из-за стола и поспешно направились к трапу.

— Капитан первого ранга, должно быть, идет, — пояснил старпом, собирая и укладывая в коробочку костяшки «козла».

— И не один, а с разведчиками, — гордясь своей осведомленностью, добавил штурман.— И она среди них...

— Она? — удивился Мельничанский.

— Ну, конечно, — подтвердил штурман. — Теперь-то уж чего скрывать? Через часок-другой, наверное, выйдем в море. Интересно, какая она из себя? Воображаю, как очарует ее этот юноша с дырявым носком.

Тонкое лицо Новгородцева вспыхнуло, механик быстро рассовал носки по карманам.

— Поскольку торпедистам в таком походе делать нечего, роман на лодке возможен только с Мельничанским, — продолжал разглагольствовать штурман.

— Не остри, Жора, — возмутился старпом Евсеев. — Она ближайшая подруга моей жены и мой друг.

— Что же этот твой друг может на лодке делать? — снисходительно спросил Мельничанский.

— Не на лодке, а на берегу. Высадим разведчиков на вражеский берег, подождем их дня два-три, подберем и обратно доставим.

— А зачем же она с ними, Аркадий?

Евсеев недовольно пошевелил мохнатыми сросшимися бровями. Огромный, в рыжем комбинезоне и высоких болотных сапогах, он мог бы показаться угрюмым увальнем и тугодумом. На самом деле это был человек быстрого и острого ума.

— Она и врач, и переводчица, и разведчица,— сказал старпом. — Из этих краев родом. Норвежский и немецкий знает. Вместе с моей Наташей в Ленинграде кончала медвуз. Там и познакомились. Звали мы ее всегда «Дядя Надя»...

Заинтересованный этими сенсационными подробностями, штурман раскрыл было рот, собираясь забросать старпома новыми вопросами. Но в это мгновение послы-

шался близкий шум мотора. С мостика донеслись слова команд: «Смирно!»... «Вольно!»...

По трапу рубочного люка в центральный пост спустилась знакомая кряжистая фигура командира соединения Плескача, за ним показались Логинов, Орлов и небольшая группа людей в синих лыжных костюмах. Ничто, кроме автоматов, не выдавало в них бойцов.

Разведчики-матросы, повинуясь жесту Логинова, прошли, в сопровождении вестового Никишина, в смежный отсек, а двое — один рослый, другой маленького роста — вместе с Плескачом остались в кают-компании.

Поздоровавшись, Плескач предложил познакомиться и сесть.

Рослый гость оказался командиром разведчиков капитаном Мызниковым; он запросто обменялся рукопожатиями со всеми присутствующими. А маленький лыжник... Это и была «Дядя Надя»!.. Трудно понять, чем она — белокурая, пухленькая и румяная — заслужила прозвище, столь мало соответствовавшее ее внешности. Каждый встретил ее по-своему: Логинов — по-деловому, Орлов — с располагающей улыбкой, старпом Аркадий Евсеев — как старую приятельницу, Мельничанский — несколько хмуро, Новгородцев — сконфуженно, штурман Сахаджиев — с откровенным любопытством. Надя держалась со всеми одинаково просто и непринужденно, без тени смущения.

— Угости-ка чайком, командир! — потер руки Плескач.

— Ясное дело, — согласился Логинов. — Товарищ Никишин, чаю нам дайте, бутербродов с сыром.

— Есть, чаю! Есть, бутербродов с сыром! — бодро и громко отрепетовал Никишин, но тотчас перешел на робкий шёпот и, окая от волнения, забормотал: — Нет бутербродов с сыром, товарищ командир! Колбаса, если желаете...

Этот ответ немедленно вызвал за столом веселое оживление.

— А соленые сухарики захватили? — притворно насупившись, спросил Плескач.

— Точно так, товарищ капитан первого ранга, — отрапортовал Никишин. — Уже на борту, на случай, если с нами в море пойдете...

— Добро! — улыбнулся Плескач и отпустил вестового.

«Никишин... Никишин... — вспоминала тем временем Надя. — Мне эта фамилия очень памятна...»

Вестовой вернулся с чайником и накрыл на стол. Логинов гостеприимно повел рукой. Все потянулись за бутербродами, стали прихлебывать крепкий «морской» чай.

— Простите, — не удержалась Надя, повернувшись к Никишину. — Нет ли у вас однофамильца или родственника — офицера на одной из подводных лодок?

Смешливый Сахаджиев тотчас что-то смекнул и подавился чаем. Никишин казался совсем растерянным.

— Помилуйте, — взглянув на Сахаджиева, удивленно сказала Надя. — Это же вы — Никишин. Я вас знаю. Вы мне писали.

Сахаджиев покатывался со смеху и отрицательно махал руками. Вестовой, багровый от непонятного Наде смущения, с трудом вымолвил, обращаясь к Логинову:

— Разрешите итти, товарищ капитан-лейтенант?

— Нет, погодите,— лукаво сказал Логинов, но тотчас, сжалившись, добавил: — Добро. Идите...

И когда вестовой исчез за дверью переборки, спросил Евсеева:

— Может быть, вы сумеете объяснить, чему так обрадовался штурман?

— Охотно, могу объяснить... У Никишина страстишка посылать письма девушкам, о которых пишут в газетах. О нашей «Дяде Наде» тоже в газетах упоминали. Он и ей письма отправлял, наверное...

— Ты всегда был путаником, Аркадий, — недовольно

сказала Надя и, строго поглядев на продолжавшего хохотать Сахаджиева, снова подтвердила:

— Вот автор этих писем. Я даже портрет его получила.

Бедиый штурмаи сконфузился и умолк.

— Правильно, Дядя Надя, — согласился Евсеев, — а зиаете, в чем дело? Никишии еще в мириое время писал многим стахаиовкам, летчицам и дояркам. И всегда все ему отвечали. Переписка у него была большая. Но иазываться вестовым он почему-то стеснялся, а за кого себя выдает в письмах, теперь догадаться нетрудно. Он иа лодке у всех офицеров и старшии фотографии кляичил. Никто ие давал, а у Жоры Сахаджиева сердце — ие камень... Не пойму только, зачем Никишии чужие фотографии в своих письмах посылает? Какой ему от этого прок? Вдруг девушка влюбится по фотографии? Для кого же тогда Никишии старался?.. Впрочем, пока он будет рассылать портреты штурмаиа, я думаю, сердца всех зиатиых девушек в безопасиости...

— Старпом! — притворно простоиал штурман. — Я верю в свою звезду.

— Разве уж если запоешь, — пожал плечами старпом. Обратившись к Наде, он пояснил: — Голос у иего, действительио, не очеиь противиый. Штурман — флагманский теиор иашей лодки. Одиа девушка, послушав этот голос, оказалась иастолько иеблагоразумиой, что даже вышла за него замуж.

— Оиа сейчас в Ленинграде, с дочкой, — вздохиул сразу ставший серьезиым Сахаджиев. — Получил я иадиях письмо. Ночью Маришку в убежище несла, а та во сие бормочет: «Мама! Какая у иас самолетная улица»...

— А моя пишет — Петька просит: «Папа, привези мие фугаску», — прихлебывая чай, вспомнил Орлов. — Ишь, чего захотел!

— Каким временем мы располагаем, товарищ капитаи первого раига? — почтительно спросил Плескача Логииов.

2 Зак. 718

— Вполне достаточным, — успокоил Плескач, взглянув на часы. — Снимемся в двадцать четыре часа. Переход рассчитан точно на сутки. Нужно разведчиков высадить в темноте. Пока еще можем поболтать... Чай допьем — будем готовиться к походу. Давайте послушаем наших гостей.

— Давно пора! — обрадовался изнемогающий от любопытства Сахаджиев. — Что вы там собираетесь делать, в этом фиорде, дорогой капитан?.. Поганое место. Мы там однажды чуть не напоролись на мину.

— Главным образом будем ловить бабочек, — невозмутимо ответил Мызников. — Там водятся великолепные экземпляры.

— Вы слишком строги к нему, капитан,— смеясь, сказал Плескач.

— Вообще говоря, дело нам предстоит нехитрое, но и нелегкое, — серьезно продолжал Мызников. — Повидимому, готовится наше наступление на Севере. Мы должны выяснить расположение фашистских штабов, артиллерийских батарей и маневренных аэродромов. При случае — подпалить и взорвать военные склады немцев. Если удастся — захватить «языка». Вот и все.

— Да, действительно, «вот и все»... — уважительно буркнул Сахаджиев.

Люди сухопутной войны всегда казались ему героями. «У нас что?— рассуждал штурман.— Даже раненые бывают редко. А если уж тонуть — так всем вместе. Зато всегда в чистом белье, ноги не натерты, всегда со своим камбузом, с сервизами, с мадерой... Все-таки мы воюем, как баре! А вот они... Даже неловко, ей-богу...»

И невдомек было штурману, что привычный и понятный для него труд подводной войны в свою очередь вызывал в непосвященных трепет беспредельного уважения. Именно такое чувство испытывала Надя, осматриваясь в отсеке лодки.

— Очень у вас интересно, товарищи, — простодушно призналась она. — Я на подводной лодке в первый раз. Колесики, колесики, совсем как в часовом механизме... Какая-то марсианская машина!..

— Ничего марсианского тут нет, Дядя Надя, — ободрил ее старпом. — Клапаны да магистрали. Будешь натыкаться — спрашивай, как называется, и все приборы узнаешь. Вас — молодых подводников — только так и научишь.

— Подводные плаванья не для женщин, — веско сказал Плескач. — На Черном море в мирное время, кажется, брали однажды на борт какую-то журналистку. Уж очень, должно быть, настойчивая была... А в нашем море вы — первая подводница...

— Ну, что ж, приятно быть исключением, — улыбнулась Надя. — А что самое страшное в подводном плавании? Чего вы сами больше всего боитесь?

— У всякого свои страхи, — усмехнулся Плескач. — Обо мне, например, злые языки распространяют слухи, будто я очень боюсь... утопленников!

— Так и должно быть, — засмеялась Надя. — Я читала в газете, что старейший североморец Плескач потопил одиннадцать фашистских транспортов. Сколько это утопленников?..

В центральных постах и кают-компаниях североморцев действительно была в ходу веселая легенда, будто командир соединения страшно боится утопленников. Плескач, впрочем, и сам был непрочь пошутить и «потравить» в свободную минутку в кают-компании. «Когда я водил баржи на Волге...», — начинал он обычно свои рассказы, оглаживая крутой подбородок и хитро поводя проницательными умными глазами. Или: «Как сейчас помню — дело было в Кронштадте...» И тут все подсаживались поближе, потому что за таким вступлением неизменно следовала какая-нибудь небывалая и увлекательная история.

Но сейчас командир не был склонен занимать трибуну рассказчика.

— Почему же «старейший»? — ограничился он слабым протестом. — Даже здесь, за этим столом, есть мои ровесники по Северу: Логинов, Орлов и я вместе на одной лодке сюда пришли.

— Командир соединения был тогда минером, — пояснил Логинов, — я штурманом, а Орлов мотористом. Это знаменитая лодка. Ее сам товарищ Сталин посетил!

— Сталин с Ворошиловым были у нас на лодке, — не удержавшись, принялся рассказывать Орлов. Его лицо загорелось, выцветшие голубые глаза засветились от воспоминаний. — Товарищ Киров на миноносце остался, а они зашли к нам. В последнем шлюзе Беломорско-Балтийского канала. Товарищ Плескач тогда вахтенным командиром стоял — рапортовал наверху Иосифу Виссарионовичу. Логинов лодку показывал...

— А вы? — спросил Мызников...

— А я?.. Я обед готовил.

— Расскажи уж, — тепло сказал Плескач, — расскажи уж, Павел Васильевич, про свою встречу.

Орлов не заставил себя просить.

— Кок у нас тогда заболел, пришлось заместить... Я на камбузе работал. Оладьи пеку и в ус себе не дую. И вдруг дверь открывается и входит... Сталин! Я чумичку выронил, растерялся. Еле смог доложить: «Товарищ Сталин! Краснофлотец — кок Орлов. Готовлю обед для команды — борщ, плов рисовый, оладьи и какао». А Ворошилов позади стоит, смеется. «По-морскому, — говорит, — у них повар называется кок». Сталин потрепал меня по плечу: «Да это не морской кок, а настоящий морской лев!» Я и сейчас не тоненький, а тогда еще шире был. А потом говорит: «Покажите, что готовите?» Всего отведал и похвалил. «Хорошо готовите, товарищ Орлов». Только я собрался ответить, а Сталин и Ворошилов уже пожали мне руку и пошли. Вот и вся

наша встреча на лодке... Говорили потом товарищи, что Сталнн, спускаясь в лодку, комингса даже не задел! Спустился, как настоящий подводник!..[1]

— А мне еще раз встретиться с ним довелось, когда он у себя в Кремле подводников собирал, — удовлетворенно сказал Плескач. — Он тогда крепкий совет нам, подводникам, дал. В этом совете была прямо вся тактика нашей подводной войны изложена. Так н стараемся воевать...

— Много мы навоюем с такими походами, как сейчас! — восклнкнул Мельничанский. — Обнаруживать себя нельзя, в торпедную атаку выйти нельзя. Другнм на базе за потопленные транспорты будут жареных поросят подносить, а мы облизывайся[2].

— Ну, отдохнули — н хватит! — вдруг перебил Плескач. И пронэнес не громко, но раздельно, отчеканивая каждое слово:

— Снимайтесь с якоря!

— Есть! — ответил Логинов, приказав дать сигнальный звонок, и четко скомандовал: — По местам стоять, с якоря сниматься!

Подводннки кинулись к своим боевым постам. Изо всех отсеков доносились повторяемые экипажем слова команды: «С якоря сниматься!» Затем наступнла тишина. Только где-то в магистралях шипел сжатый воздух; корпус лодки, чуть дрожа, резонировал на подергнвания убираемого якоря, урчала вода, в центральном посту приглушенным молодым баском распоряжался механик.

Гвардейская подводная лодка «Северянка» выходила в море.

---

[1] Спускаясь в люк, подводники обязательно перешагивают через комингс, не наступая на него, чтобы не нанести мусору, песку, ветоши (это может отразиться на герметичности люка).

[2] На Севере в годы войны установился обычай: за каждый потопленный вражеский транспорт команде подводной лодкн преподносили иа берегу жареного поросенка.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«СЕВЕРЯНКА» В ПОХОДЕ

Подлодка в сизом сумраке карабкается на вал и скользит вниз, зарываясь носом в воду.

Вокруг всхолмленное море мрачной синевы — синевы вороненой стали; волны — с загнутыми белыми гребнями. Пенный след стелется, быстро теряясь за кормой. Черная громада облака ползет из мрака навстречу и обваливается хлопьями липкого снега.

— В центральном! — хрипло кричит вахтенный в люк.

— Есть, в центральном!

— Пошел густой снег... Видимость два кабельтова.

— Есть!

Снег летит над головами сигнальщиков. Сигнальщики в тугих, лаковых от влаги черных шлемах со спущенными на лица масками, одетые с ног до головы в блестящую мокрую черную кожу, похожи на морских львов. Они привстали над рубкой и ловко ластами рукавиц прикрывают бинокли, вглядываясь вперед.

Орудие и леера давно уже покрыты льдом, антенны провисают длинными тяжелыми сосульками. Из люка вылезает моторист с ведром.

— Товарищ лейтенант, разрешите выбросить мусор?

Вахтенный офицер молча кивает в ответ.

Моторист осматривается, выбирая подветренный борт. Ветер уносит лоскутки газет, хлебные корки, консервные банки.

Банки тщательно пробиты насквозь: они обязательно должны затонуть, чтобы не осталось следа для противника. Падают и взлетают, ухватив добычу, чайки.

В зубах у моториста цыгарка, лицо его утомлено: бессонная ночь, вкус соляра во рту, несмолкаемый рев дизеля в ушах — все обыкновенное для подводника дело.

С норда веет холодным дыханием вечных льдов. Но все же здесь теплее, чем на континенте. Днем, когда

изредка пробивается солнце, воды густеют в ярчайшей ультрамариновой синеве Гольфстрима — океанской реки, несущей живительное для севера Европы тепло от самых берегов Флориды.

Лодка штормует. Могучий океанский вал накрывает ее своим крылом. Вода на морозном ветру кажется совсем теплой, а соль будто изморозью оседает на лице и на одежде; кристаллики соли поблескивают в углах глаз и на ресницах...

Тепло от Гольфстрима, и штормы тоже от Гольфстрима. В норвежской лоции я читал про наше Баренцово море: «Причина частых штормов и их силы — изумительное распределение температур. Средняя температура на внешней кромке Лофотенских островов на двадцать семь градусов выше средних температур, наблюдаемых в этих широтах в любой точке северного полушария. Таково влияние теплых вод Гольфстрима. И в то же время внутри Финмаркенского плоскогорья мороз бывает иногда так силен, что замерзает ртуть. Природа устроила здесь словно огромный котел рядом с огромным конденсатором пара. И эта титаническая паровая машина работает, производя чудовищно неправильные удары — штормы».

Океан кипит, и линия горизонта с мостика лодки кажется зазубренной; она живая, она все время шевелится, по ней перемещаются острые вершины далеких гребней. Там может неожиданно появиться вражеский корабль. А совсем рядом могут встретиться мина и перископ немецкой подлодки.

Может угрожать и небо: вывалится вдруг из облаков с приглушенными моторами фашистский пикировщик с бомбами, пушкой, пулеметами. Все может быть!

Но пока горизонт чист.

Во время шторма рубочный люк прикрыт. Каждые полчаса голос из переговорного шланга монотонно выкрикивает снизу:

— На мостике!

— Есть, на мостике! — настораживается вахтенный офицер.

— В лодке все в порядке!

— Есть, в лодке все в порядке!..

Так и идет час за часом вперед «Северянка», пробиваясь сквозь шторм и снег к фиорду...

С группой разведчиков в одном из отсеков беседовал Плескач.

— Лет двадцать тому назад, друзья, служил я боцманом на одной подводной лодке. Интересная в своем роде это была лодка — задним ходом она шла быстрее, чем передним, все прямо диву давались. Царство ей небесное — давно уж старушку на металлический лом разобрали... А шефом была у нас швейная фабрика. Славные девушки на фабрике этой работали. Некоторые из них, в порядке шефства, должно быть, за наших ребят замуж повыходили — и хорошо. До сих пор счастливо живут... Приходит однажды девушка с этой фабрики к нам на лодку, спрашивает:

— Где ваш боцман?

А я тогда совсем молоденький был. Напыжился, отвечаю, важно:

— Я боцман.

Она смеется.

— Какой ты боцман?..

Я даже обиделся. А команда рты разинула, ждет, что дальше будет.

— Пожалуйста, — говорю, — я любые тросы срастить могу, любые узлы тебе вывяжу. На горизонтальных рулях стану — и не почувствуешь, как лодка на глубины пойдет. Не веришь?.. Можешь ребят спросить. Ребята, кто у нас боцман?

— Вы, — отвечают ребята.

Разочаровалась девушка.

— А я думала, — говорит, — боцман высокий, да могучий, да с большущими усами.

— Вы бы так и сказали, — смеюсь я в ответ, — что просто усатого человека вам надо!..

Улыбнулась и она.

— Не сердитесь, парень. Раз боцман — получайте!.. И достает красивый алый шелковый кисет и трубку.

— Курите, боцман! Это от меня.

Смотрю, на кисете вышито: «Боцману подшефной подлодки — от Людмилы Зеленкиной». А я и не курил тогда. Не стал огорчать Людмилу — принял ее подарок. Дружили мы с ней потом, в кино вместе ходили, только недолго — перевели нас оттуда в другую базу. Вот с тех пор я и курить начал. Лет шесть курил людмилину трубку. Потом однажды забыл я ее на разножке в отсеке, а кто-то из ребят сел и раздавил. Очень я тогда горевал.

— Бывает, конечно, что кое-кто из морячков не то что усы, а даже бачки носит, — сказал один из разведчиков. — Но командующий флотом наш об этом вполне определенно высказался. Остановил как-то на улице мичмана с бачками и говорит:

— Знаете, товарищ мичман, вы мне куда больше без этих бачков нравитесь...

Пришлось сбрить бачки — всякому хочется своему командующему нравиться!..

Помолчали.

— Чистота у вас, — сказал другой разведчик. — Пылинки нигде не найдешь.

— Флотская служба всякой — и белой и черной — работы требует, на корабле нянек и уборщиц нет, — подхватил старшина-подводник — Особенно не люблю я, когда иной молодой матрос говорит мне: «Я устал». А с чего устал? Четыре ведра воды, видите ли, из трюма вытащил! Да я тебя еще сорок ведер заставлю вытащить, да тяжести после этого таскать, да после всего

вместо отдыха на вахту поставлю! И ты же мне за это потом благодарен будешь!

— Все мы на флоте службу с малого начинали, черной работой не гнушались, — сказал боцман Шапочка. — Любого адмирала спросите, он подтвердит: «Иначе нельзя адмиралом стать». А просто дельным человеком, настоящим мужчиной разве иначе станешь?.. Флот вялых белоручек не терпит. Зато если парень флотскую закалку получил — всем образец!

— Одним словом, труд для молодого человека — великая сила. Победительная сила — где бы то ни было, в море или на берегу... — закончил Плескач вставая.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВСТРЕЧА НА БЕРЕГУ

Пустынным и суровым казался в ту осеннюю ночь берег фиорда.

Лодка подходила к месту своего назначения. К вершине взнесенной над морем скалы доносился грохот прибоя. Впереди простирался океан. Над холодным, бледным ночным небом трудно было что-либо разглядеть, но разведчику Маслюкову показалось, что на самом гребне скалы шевелятся какие-то силуэты.

Пока «тузик» — крохотная шлюпка продолжала перевозить с подводной лодки на берег остальных разведчиков, Маслюков и Бровков взобрались на скалу. Подозрения подтвердились. Бесшумно приблизившись к странным силуэтам, разведчики увидели двух молодцов, внимательно наблюдающих с вершины скалы за тем, что происходило внизу, у моря. «Немцы», — решил Маслюков.

— Тсс! — негромко сказал он, вскидывая автомат. — Штиль! Полный штиль! Шума не надо...

Так же угрожающе вскинул свой автомат и Бровков.

Оба незнакомца обернулись и, вскочив, испуганно подняли руки. По одежде они были похожи на рыбаков.

Один из них был пожилой, другой казался совсем юным.

— Позвать бы Надю, пусть объяснится, — сказал Маслюков.

— Подождем, — посоветовал Бровков.

Скоро из-за камней показались остальные разведчики — капитан Мызников, Надя и матрос Туркин.

— Знакомьтесь, — деланно зевая, сказал Маслюков.— У нас тут веселый разговор. Только они по-русски — ни в зуб ногой...

Но, ко всеобщему удивлению, пожилой пленник вдруг заговорил по-русски. Он произносил русские слова с большим трудом, но вполне отчетливо.

— Вы... русские? — спросил он.

Мызников, начавший кое-что понимать, отстранил Надю, пытавшуюся заговорить по-норвежски, и жестом приказал ей молчать.

— Кто вы такие? — обратился капитан к пленникам.

— Мы есть рыбаки Норвегии, — с готовностью ответил ему пожилой. — Я Оге Хомстен, а это мой сын Тулейф. Я был у вас в России. Давно был... Прежде...

— Что вы делали здесь сейчас?

— Мы видели корабль из воды. Мы думали, германский. Мы смотрели. Мы... — тут Оге с опаской посмотрел на направленные на него дула автоматов Бровкова и Маслюкова, — мы боялись...

— Опустите же автоматы, чёрт подери! — крикнул Мызников разведчикам.

Маслюков и Бровков опустили оружие.

— А Тулейф тоже говорит по-русски? — поинтересовался Мызников.

Тулейф, поняв, о чем идет речь, широко улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Сколько вам лет, Тулейф?

— Шестнадцать, — быстро ответил за Тулейфа Оге. — Ему шестнадцать. Вы будете оставаться здесь?

— А вы хотели бы этого?

— Мы хотели бы себе добра,—уклончиво ответил Оге.

— Чего же вы хотели бы?

— Чтобы не было войны. Чтобы не забирали у нас рыбу. Детям надо есть. Надо хлеб, рыбу, корову. Надо сапоги.

— Почему же у вас нет?

Оге поежился, с особенной внимательностью оглядел разведчиков и лишь после этого снова спросил:

— Вы, правда, русские?

— Русские, советские.

Оге помолчал и после раздумья вздохнул.

— Мы бедные рыбаки. Нам нужно ловить рыбу. Мы боимся войны.

Надя снова попыталась заговорить с норвежцем. Мызников остановил ее рукой.

— Садитесь, фрекен! — повелительно сказал он ей, указывая на камень.

Надя недовольно пожала плечами и молча села. Присел на соседний камень и Мызников.

— Кто здесь живет? — спросил он норвежца.

— Я и Тулейф, — ответил Оге. — Хозяйка умерла. Далеко больше никто не живет. До самого Сиэльвэ. Там город и дорога. Там германские солдаты. У нас, — показал он в сторону, — дом здесь.

— А ты совсем не говоришь по-русски? — спросил Мызников Тулейфа.

— Зовсем немного, — сказал Тулейф. — Три слова. Хорошо знаю: «Норвегия будет свободной».

Он рассмеялся.

— Можно мне, наконец, говорить? — холодно осведомилась Надя.

— Только не обижайся! — попросил Мызников. — Я ведь догадывался, кто они. Не много квислингов в этой стране.

— Я не обижаюсь, — все же обиженно сказала Надя.

Ей очень хотелось поговорить с норвежцами, ио из упрямства теперь оиа решила молчать. Мызников, впрочем, не обращал иа это внимаиия.

— Поговорим еще здесь, Оге, — сказал Мызников. — Пусть Тулейф остальных проводит в дом. Идите с ним, товарищи.

Тулейф радушиым жестом пригласил разведчиков следовать за собой. Надя иесколько замешкалась и, когда разведчики уже уходили, вдруг попросила:

— Разреши остаться, Сергей?

— Хорошо, — кивнул Мызииков.

— Жеиа? — тепло спросил Оге.

Этот вопрос привел Мызиикова в иекоторое замешательство. Но после короткой паузы капитан, неожиданио для Нади, вдруг решительио ответил:

— Да.

Надя посмотрела на Мызникова с плохо скрытым негодованием.

— У нашего патриота Ларсена вы получите многое,— продолжал Оге. — Ваша авиация будет точио знать, куда сбрасывать бомбы. Скоро будете наступать?..

— Наверио. Пора... — подтвердил Мызииков.

— Тяжело было Ларсеиу. Кругом фашисты, когда уходил. Бой был большой..

— Есть убитые?..

— Трое, — с горечью сказал Оге. — Есть два раненых. Оии болеют. Доктора нет в отряде.

— Я доктор, — вмешалась Надя. — Где они? У меия здесь в мешке иструмеиты и медикаменты.

— О-о, — обрадоваиию протяиул Оге.

— Доставь ее к иим, — посоветовал Мызииков.

— Нет, туда ей ие иадо, — возразил Оге. — Мы должиы вынести ранеиых. Им нельзя там оставаться. Мы приеесем их сюда через час. И Ларсен придет.

— Нам поиадобится его помощь, — напомиил Мызников.

— Понимаю, — согласился Оге. — Я пойду сейчас к Ларсену. Идите в дом.

— Хорошо, — сказал Мызников.

Едва Оге скрылся за камнями, как Надя набросилась на Мызникова.

— Ты заставлял меня молчать, Сергей, — это еще куда ни шло. Но зачем тебе понадобилось представить меня как жену?..

Мызников замялся и тихо-тихо произнес:

— Люблю я тебя давно. Надо же когда-нибудь об этом сказать.

И с раздражающей Надю рассудительностью вдруг спросил:

— Почему бы тебе и в самом деле не быть моей женой?..

— Почему бы, почему бы!.. — сердито сказала Надя. — Какое ты имеешь право один решать за обоих? Я ведь все-таки заинтересованная сторона...

— Слава богу, что заинтересованная. Хуже было бы, если бы оказалась незаинтересованной...

— Неуместные шутки! — сурово сказала Надя. — Послали боевое задание выполнять, а ты — романчики крутить... Хорош! Мы тебе пропишем на бюро!..

— Ну, а вдруг меня завтра подстрелят. И ты так и не узнаешь о моих намерениях. Лучше уж сказать напрямик. А насчет романчиков — не беспокойся. Здесь я командир, а ты подчиненная. Какие могут быть романчики? И не собираюсь.

— Мальчишка ты еще, Сергей, — смягчилась Надя.

— Убедительно, но авторитет командира подрывает, — усмехаясь, сказал Мызников. — Запрещаю. Пойдем в дом.

— Есть, командир! Пойдем... — неохотно согласилась Надя. — Посмотрел бы хоть на море, на небо. Красота ведь какая!..

Мызников в ответ строго покачал головой.

— Запрещаю. Сейчас все запрещаю. После войны — в девятнадцать тридцать.

Он нежно взял Надю за руку, увлекая девушку за собой.

— После войны в девятнадцать тридцать? — тихо повторила Надя. — Есть, командир!..

Они спускались по каменистой тропинке, а Надя все оглядывалась назад, на пустынную вершину скалы над океаном.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОБЕД ПОД ВОДОЙ

Пока разведчики Мызникова осваивались на берегу, «Северянка» поджидала их в море. На ночь подводная лодка уходила от берегов, чтобы зарядить аккумуляторы, днем приближалась к фиорду вести наблюдение. Наблюдать за побережьем в светлое время суток можно было только через перископ.

На третьи сутки похода в центральном посту «Северянки» на разножке у перископа сидел вахтенный офицер Мельничанский. Спиной к нему, у рулей глубины, поглядывая на приборы, «колдовал» боцман Шапочка; в отдалении маячила фигура трюмного машиниста.

В кают-компании «Северянки» за столом сидели офицеры. Был час обеда. Никишин, позванивая посудой, хлопотал по хозяйству.

— Всплывать на перископную глубину! — скомандовал Мельничанский в центральном посту. — Поднять перископ!..

— Есть! — ответил Шапочка, перекладывая рули.

Мельничанский привстал с разножки, цепко взялся за рукоятки перископа, припал глазом к окулярам и некоторое время молча всматривался, поворачивая перископ по всему горизонту.

— Стоп всплывать! — предупредил он, продолжая поворачивать перископ. — Горизонт чист!.. Небольшая волна захлестывает перископ... Подвсплыви, боцман!

Шапочка «подвсплыл».

Продолжая осматривать поверхность, минер совершил полный круг, выкрикивая так, чтобы слышали все:

— Горизонт чист!.. Притопи, боцман!.. Горизонт чист!..

В соседнем отсеке кают-компании Плескач, Логинов и остальные офицеры внимательно и настороженно прислушивались.

— Горизонт чист! — окончательно определил Мельничанский.—Погружаться на глубину... Опустить перископ!..

В кают-компании удовлетворенно переглянулись и перестали прислушиваться. Шапочка снова переложил рули, а Мельничанский приказал доложить командиру соединения и командиру лодки, что горизонт чист.

Дверца маленькой кабинки в центральном посту приоткрылась.

Сахаджиев появился на пороге штурманской рубки.

— Все всплываешь и погружаешься? — бросил он Мельничанскому, направляясь к кают-компании. Но, очутившись в кают-компании, штурман принял официальный вид и почтительно обратился к Плескачу:

— Товарищ капитан первого ранга, разрешите лечь на курс триста градусов?

— Ложитесь, — сказал Плескач. — Обедать пора, штурман! День рождения старпома надо отметить.

— Ложиться на курс триста градусов! — громко скомандовал Сахаджиев в центральный пост. И, потирая руки, ответил Плескачу: — С удовольствием!

Едва успел штурман расположиться за столом, как Никишин, сопровождаемый небывалыми на лодке кондитерскими запахами, принес на подносе большой пирог.

— Имениннику! — торжественно объявил вестовой. — С собственными инициалами в собственные руки!..

Евсеев встал и под общий одобрительный шум поблагодарил, раскланявшись и прижав руку к сердцу.

Плескач поднял рюмку и провозгласил:

— За виновника торжества!.. Сколько вам лет сегодня, товарищ Евсеев?

— Двадцать девять... Спасибо, товарищи! — растроганно произнес старпом и принялся чокаться с потянувшимися к нему друзьями.

Выждав, пока все осушили рюмки, он, заметно волнуясь, медленно заговорил:

— Мы одни. Мы так далеко от своих близких. Но здесь мы вместе. Мы—семья. В море, на войне, на борту подводной лодки мы — семья. За то, что мы в кругу семьи, — спасибо, товарищи!..

— Скажи лучше хороший тост, Аркадий, — посоветовал ему штурман.

— Скажу. Выпить больше двух рюмок сейчас нельзя: ни обстановка, ни совесть не позволяют. Поэтому вторую, последнюю, поднимаю за самое главное. Мы — военные советские люди. Наша первая мысль — победа. Но что такое для нас победа? Это значит — жизнь, мир, счастье Родины, близких, встреча с любимой. У нас в Арктике всегда первый тост поднимают за тех, кто ждет и любит нас на Большой Земле. За нашу победу, за наших любимых на Большой Земле!..

Подводники зааплодировали, а замполит Орлов, подтвердив «Правильно, старпом», чокнулся с Евсеевым первый. Сопровождаемый веселым застольным шумом, обед продолжался.

— Спел бы нам, штурман, — сказал Новгородцев, — могу у торпедистов гитару взять!..

Носовой отсек, где жили торпедисты, на лодке называли «музыкальным магазином», — так много было в нем инструментов. Над койками в этом отсеке были туго прикручены шкертами гитары, мандолины, балалайки.

Старшина торпедистов слыл лучшим баянистом подплава.

— Он сегодня целый день какую-то колыбельную мурлычет, — обратился к обедающим механик и, передразнивая штурмана, стал что-то напевать.

— И совсем не такую! — обиделся Сахаджиев. — Стоял на мостике ночью, про дочку вспомнил, вот песня и родилась. Только я ее петь вам не буду.

— Скажите, — неожиданно спросил Плескач Логинова, думая о своем: — акустик ничего подозрительного сегодня не слышал?

— Нет, товарищ капитан первого ранга, — успокоил Логинов. — Никаких шумов слышно не было.

— Прикажите усилить наблюдение, — распорядился Плескач.

Логинов дал приказание. За столом все умолкли, прислушиваясь к голосу командира соединения.

— Только вести разведку, все слышать, все видеть, все знать и ничем не выдавать себя, — продолжал Плескач, — вот сейчас наша задача... Не увлекаться, никого не преследовать, никого не топить. Чёрт с ним, пусть немец плавает! Если обнаружит нас сейчас в этом квадрате — пиши пропало: разведчиков с берега не снять!.. Мызников ждет нас сегодня в ночь. Трое суток мы здесь, пока благополучно, отплавали... Кто знает, из какого переплета ребят на берегу выручать придется. Дело у них серьезное. Их сведения для командования сейчас важнее любого потопленного нами транспорта...

— Верно, — подтвердил Логинов.

— Правда, может выйти один исключительный случай... Ну, товарищ флагманский тенор, — неожиданно меняя тон, обратился Плескач к Сахаджиеву. — Какой же песней побалуете нас сегодня по случаю лодочного семейного праздника?

Новгородцев на мгновение нырнул через дверцу в отсек торпедистов и вернулся с гитарой. Он, как и все на лодке, любил пение штурмана.

— Между нами, товарищи, — предупредил Сахаджиев, принимая гитару, — этого, пожалуйста, не стенографируйте, дорогой механик... В нашей подводной профессии важно во-время появиться и во-время уйти. Долбанул немца и хорошо. И не попадайся, не жди, пока он вызовет папу и маму... Рецепт нашей удачи в умении, в искусстве. И еще кое в чем... Послушайте...

И он запел приятным небольшим тенором, тихо перебирая струны:

Зажгла звезда мне нынче трубку
Своею искрой голубой.
Кладет валами на борт шлюпку,
Но ие погнбнем мы с тобой.
   Не вндно неба золотого,
   Дорога в море ие легка,
   Но привыкать к борьбе суровой
   Должна подруга моряка.
Уже сверкнул огонь зеленый —
Маяк иа горной высоте,
И берег, снегом заиесенный,
Забрезжнл смутно в темноте.
   И пусть взмывают чайки, плача,
   В далекой снежиой вышнне, —
   Не нзменяет мне удача,
   Пока ты помнншь обо мне...

— Молодец штурман! Дельная песня, — тихо сказал Логинов.

— «Не изменяет мне удача, пока ты помнишь обо мне...» — мечтательно повторил механик.

— Сразу видно, что автор — подводник, — желая сделать комплимент, заметил Плескач.

— Именно подводник, товарищ капитан первого ранга, — подтвердил Сахаджиев. — Только не я. Это Алеша Лебедев, товарищ мой по училищу, лейтенант.

Много хороших стихов написал. Погиб недавно на Балтике...

— «Кладет валами на борт шлюпку, но не погибнем мы с тобой...» — тихо напевал Новгородцев.

— Ясное дело, не погибнем! — уверенно сказал Евсеев. — И чего размечтался механик. Можно подумать — у человека подруга есть. А у самого в комнате холостым духом пахнет, носки дырявые, под кроватью... И таких девушек, как «Дядя Надя», на нашей «Северянке» возишь!.. Зеваешь, механик!..

Новгородцев покраснел. Старпом обладал удивительной способностью точно угадывать его чувствительные места.

Но Евсеев уже переменил жертву.

— Взял бы пример со штурмана, — продолжал он, указывая на Сахаджиева, — товарищ никогда не теряется. Как истый штурман, всегда в меридиане, всегда под градусом (Сахаджиев при этих словах поперхнулся от негодования), женским обществом в юности не гнушался, и женское общество им не пренебрегало.

— Один раз трагически пренебрегло, — мрачно признался Сахаджиев. — Каждый вечер в свой квадрат на бульваре бегал и все зря. Влюбился без памяти — вот такая золотая коса, вот такие глазищи зеленые, как взгляну — обмираю. Хочу сказать: «Разрешите открыть кингстоны моего сердца» — не могу.

— И что же? — оживился Новгородцев.

— Типичная ошибка молодого подводника. Был упущен момент для атаки... Девушка окончила геологический институт, поехала куда-то в Среднюю Азию нефть искать.

— Нашла? — осведомился старпом.

— Нефть? Не знаю. Мужа нашла — это точно.

— Бедный! — посочувствовал штурману Орлов. — Опыт хоть пригодился?

— Нет, товарищ замполит, — признался Сахаджиев.— С Леной просто повезло, вот и женился. Два года к ней в Кронштадте ходил, пели вместе, а сказать ничего не мог. Ее отец сторожевичками командовал, теми самыми, помните, каждый из которых носил название какого-нибудь стихийного явления. Эти сторожевички дивизионом плохой погоды называли...

— Как же, — смеясь, вспомнил Плескач, — знаю ее отца, хорошо знаю. Очень уж вы нерешительны, Сахаджиев. Такому бы я ни дочки, ни командования кораблем не доверил...

— Теперь-то можно, товарищ капитан первого ранга. Тогда все иначе было. Прихожу к Лене как-то вечером, а она говорит: «Ну, Жорик, поздравь. Выхожу замуж». Я, конечно, расстроился, думал — за приятеля, за Володьку, он тоже убивался по ней. А она посмотрела на меня, все поняла и смеется: «Дурачок, за тебя...» Так счастливо потом жили... Когда-то теперь встретимся?..

— Встретимся! — ободрил Орлов. — И в огне не сгорим и в воде не утонем!

— Особенно презираю я мелких завистников, — куражась, заговорил снова штурман. — Старпом меня чуть было не выдал «Дяде Наде». Сболтнул про мою туфельную тайну. Что тут такого? Запретите человеку для любимой жены сапожничать в море?..

Он помолчал.

— У Нордкапа в позапрошлом походе начал... Думал — никто не видал. А старпом пронюхал... Может, теперь закончу? Таких ни одной девушке не дарили. Встретимся — преподнесу...

Он повертел в руке на виду у всех лакированную туфельку и, осторожно завернув, снова спрятал.

— Скажи хорошее слово, Аркадий! — попросил он старпома. — Про жизнь, про встречу.

Евсеев вопросительно посмотрел на Плескача, Логинова, Орлова.

— Говори, говори, старпом, — одобрил Орлов. — День рождения твой — ты и говори. Скажи что-нибудь веселое.

— Это правильно, Павел Васильевич! — сказал старпом. — Хочется пошутить. Хочется повеселиться. Мы живем и хотим жить.

Он остановился в раздумье и после небольшой паузы продолжал:

— Когда-нибудь о нас скажут: «Плавали на этой подводной лодке «Северянка» хорошие небритые ребята. Говорили они между собой не всегда по уставу, могли и крепкое словцо пропустить и не одну рюмку водки выпить — на войне это им помогало. Глаза их часто были воспалены от бессонницы, ходили они в море в толстых валенках и ватных штанах, вечно перемазанные соляром... Но сердца их были всегда чисты. Они дружно, смело и честно жили, подводники с лодки «Северянка»... Они не думали: «Эх, будь, что будет, бери от жизни сегодня все, может завтра разбомбят». Они собирались долго жить и старались уберечь себя от опустошенности, от увечий души — самых страшных военных увечий. Они шли в бой за святость нашей справедливой войны, за жизнь — чистую и прекрасную, созидательную жизнь после победы!..

В центральном посту распахнулась дверца кабинки акустика.

— Товарищ лейтенант, курсовой угол левого борта 40 — шум винтов! — выкрикнул акустик... И добавил: — Шум еще слабый, но, вероятно, большой корабль...

Все в кают-компании отставили стаканы.

Из центрального поста доносились команды Мельничанского.

— Акустик, продолжать наблюдение! Боцман, всплывать на перископную! Перископ поднять!

— Есть!.. Есть!.. — отвечали Мельничанскому голоса...

Глазок перископа поднялся над волнами. Мельничан-

ский, крепко взявшись за рукоятки, поворачивал перископ, ища корабль по направлению, указанному акустиком. В кают-компании нетерпеливо прислушивались.

— Ого! — пробасил Мельничанский после напряженной паузы. — Командиров — в центральный!..

Плескач, Логинов и Орлов бросились в центральный пост. Евсеев и Новгородцев последовали за ними. Сахаджиев скрылся в штурманской рубке. В центральном посту Логинов быстро сменил Мельничанского у перископа и стал всматриваться... Затаив дыхание, все ждали, что скажет командир.

— Тяжелый крейсер! — произнес Логинов. — Посмотрите. Дистанция тридцать пять — сорок кабельтовов.

И отодвинулся от перископа, уступая место Плескачу.

— «Принц Рупрехт»! — быстро вглядевшись, определил Плескач. — Опустите перископ! Атакуем, Логинов?.. — в этом вопросе Плескача было не сомнение, а решение. — Рейдер нападет на наш караван, наделает бед...

Логинов сделал порывистое движение. Все сразу поняли, что командир стремится атаковать. Потопить тяжелый крейсер — большое дело для подводника! Но тотчас глаза Логинова потускнели, он все вспомнил.

— А приказ?.. — глухо сказал он. — Как потом группу Мызникова снимать?

— А караван? — в тон Логинову, вопросом на вопрос ответил Плескач. — А оружие для армии? В данном квадрате других лодок нет. Никто за нас работать не будет. Надо крейсер атаковать и разведчиков снять.

Он энергично потряс кулаком и повторил:

— Надо!.. Ваше мнение? Это и есть тот исключительный случай, о котором я говорил!

— Вполне с вами согласен, — обрадованно подтвердил Логинов.

— Правильно, Дмитрий Иванович! — поддержал его Орлов.

— Атакуйте! — быстро и резко произнес Плескач.

— Торпедная атака! — скомандовал Логинов. — Поднять перископ!

Шуметь уже нельзя. Колокола громкого боя молчат. Может быть, противник подслушивает...

Из уст в уста по отсекам подводной лодки негромко передавалась команда: «Торпедная атака!» Мельничанский пробежал через кают-компанию в носовой отсек, к своим торпедистам. Логинов всматривался, плавно поворачивая рукоятки перископа. Все с волнением ждали его решения. Наконец, командир оторвался от окуляра и расстроенно вымолвил:

— Опустить перископ! Отставить торпедную атаку! И, повернувшись к Плескачу, пояснил:

— «Рупрехт» повернул и быстро уходит на зюйд-ост, в ближний фиорд. При создавшейся обстановке атака невозможна — не успеем. Надо итти следом. Разрешите?

— Да! — не задумываясь, твердо сказал Плескач.

Все молчали, ожидая его дальнейших распоряжений. Но он не торопился. Достав из кармана соленый сухарь, он с хрустом откусил и, пожевав, определил:

— Через пятнадцать минут всплываем, дадим радиограмму в базу. Запиши, Павел Васильевич, текст...

Орлов достал блокнот и карандаш...

— «Обнаружен рейдер «Принц Рупрехт», — продиктовал ему Плескач. — Приняли решение атаковать. Идем вдогонку. Подписи...»

...Рейдер «Принц Рупрехт», — записывал, повторяя, Орлов, — ...решение атаковать... Идем вдогонку...

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОПАСНОЕ РЕШЕНИЕ

— Торпедный залп!

Ради этой цели строятся подводные корабли, годами воспитываются экипажи. И когда наступает эта долгожданная атака и подводная лодка ложится на

боевой курс, совершенно особенное возбуждение и напряжение охватывают всех...

Экипаж охвачен острым желанием боя; в памяти надолго останется всеобщая горячая жажда победы. Помнится, что торпед было несколько, что минер, глядя на секундомер, хрипло выкрикивал: «Первая — пли!», «Вторая — пли!», и старшина торпедистов каждый раз брал на себя спусковой рычаг; потом раздавалось тягучее шипение, и палуба в отсеке вздрагивала под ногами, и мысль у всех была одна и та же: «Только бы не промахнуться! Только бы попасть! Только бы потопить!» А потом, когда доносятся далекие, глухие взрывы, все на лодке облегченно вздыхают — торпеды попали в цель...

И сразу враг начинает преследование: подводная лодка выдала себя. К подводной лодке спешат миноносец, катера-истребители. Где-то наверху, в своей кабинке, акустик на вражеском миноносце прослушивает глубины. Сейчас полетят вниз глубинные бомбы.

Только потом, на берегу, можно по-настоящему представить себе и понять, что переживают люди и лодка, ощущая разрывы глубинных бомб. Нелегко, конечно, это переносить. Но думаешь только о лодке, только о том, как увести ее невредимой. Этому подчинено все. Люди в такие минуты целиком поглощены делом, и мысли их только об этом...

Две торпеды «Северянки» поразили вражеский рейдер. Но скрыться незамеченной после атаки «Северянке» не удалось. Маневрируя на глубинах, Логинов старался увести лодку от преследования.

Плескач вошел в рубку акустика и припал к наушникам. В этой рубке весь большой мир, оставшийся на поверхности, познается одним лишь чувством. Но чувство это, многократно усиленное аппаратурой, необычайно обострено. У шумов идущего на поверхности миноносца резкий и частый, захлебывающийся ритм, как у мчащегося поезда. Шумы винтов транспортного судна

медленные, вздыхающие. Шумы волн, ударяющих о борт корабля, всегда отличишь: они сильны, но беспорядочны. Шумы подводной лодки, идущей «наверху» под дизелями, ритмичны, многоголосы и напоминают ход старинных часов. Землечерпалка шумит почти, как миноносец, только от нее больше грохота.

Но сейчас мембраны наушников стучали ритмом винтов миноносца и вздрагивали от взрывов бомб. Бомба в мембране — это шлепок об воду, недолгое бульканье и сотрясающий лодку взрыв. Миноносец сбрасывал серию за серией. Шлепок, бульканье, взрыв! Бомбы ложились где-то поблизости! Кто знает, где разорвется следующая? А вдруг накроет?..

Лодка в такие минуты защищается лишь маневром и тишиной. Она почти беззащитна. От взрывной волны она вся содрогается: гаснет и вспыхивает в отсеках свет — рубильники включаются и выключаются сами собой; выходят из строя наиболее чувствительные приборы; корпус подводного корабля выдерживает величайшее напряжение. Но самое большое напряжение выдерживают во время глубинной бомбежки люди.

...Плескач, сняв наушники, вышел в центральный пост. Свет погас; бледно мерцали лампочки аварийного освещения. Взрывы продолжались, сотрясая подводную лодку. В центральном посту распоряжался Логинов. Здесь же находились Орлов, старпом, механик, боцман и трюмный.

Под водой «Северянка», преследуемая миноносцем, продолжала пробираться по вражескому фиорду к выходу в открытое море.

И вдруг — резкий и сильный дифферент на корму. Корма настолько опустилась вниз, что подводная лодка, казалось, стала «на попа». Неужели боцман не удержал рулей?..

Но боцман был неповинен...

Хотя моторы работали, лодка стояла на месте, это почувствовали все. «Северянка» попала в противолодочную сеть.

Логинов приказал передать об этом всем, чтобы знали об угрожающей опасности. Полный вперед! Нужно прорваться во что бы то ни стало!

Лодка дрожала от напряжения моторов, но хода не было. Вперед, назад, вправо, влево... Только бы не зацепиться рулями за сеть... Подводники перепробовали все. Лодка не двигалась с места.

Очевидно, носовая часть застряла в ячейке сети!

С большим трудом, после многих усилий удалось оторваться и отойти назад. Путь вперед, видимо, был наглухо закрыт. Маневрируя под продолжавшими рваться бомбами, Логинов приказал погрузиться на максимально возможную глубину.

В кают-компании вестовой Никишин невозмутимо считал разрывы глубинных бомб.

— Восемнадцать... Девятнадцать... Двадцать...

После небольшого перерыва грохнула еще одна, двадцать первая бомба.

— Ого, очко!.. — насторожился вестовой.

Но следом рванула двадцать вторая.

— Перебор!.. — облегченно констатировал Никишин.— Двадцать три!..

Бомбежка смолкла. Никишин выждал немного и, иронически вздохнув, произнес:

— Позарастали стежки-дорожки, где мы гуляли после бомбежки...

Лодка ощутила мягкий толчок и перестала погружаться...

— Какая глубина? — осведомился Логинов и приказал больше не опускаться.

— Грунта коснулись, — решил Логинов. — Стоп электромоторы! Никаких шумов в лодке...

— Хоть бы знать, куда попало «Рупрехту», — вздохнул Орлов.

— Попало-то наверняка, — убежденно произнес Плескач. — Два взрыва перед бомбежкой мы все слышали... Только живучесть у «Рупрехта» большая, двумя торпедами можно и не потопить... Почему они прекратили бомбежку? Должно быть, хотят нас живьем взять? Поставили сеть и уверены, что нам не уйти.

— В отсеках осмотреться! — скомандовал Логинов.

В ответ послышались донесения: «В пятом отсеке все в порядке!» «В первом отсеке все в порядке!..»

— Повреждений нет! — доложил Логинову Новгородцев. — В лодке все в порядке!

— Отлично, — кивнул ему Логинов. — Надо еще попробовать прорваться.

— Не спешите, — вмешался Плескач. — В сети завязнем — отбуксируют на мель и голыми руками возьмут. Что-то надо придумать.

— И на базу надо дать знать, — подсказал Орлов.

— В том-то и дело... — Плескач взглянул на часы. — Шестнадцать двадцать пять. Какая вода сейчас?..

— Отлив, товарищ капитан первого ранга, — сказал Логинов.

— Плохо. Очень плохо. Светло наверху и отлив.

— Почему плохо, если отлив?.. — удивился Евсеев.

— В прилив мы бы лучше, без помех, отметили ваш день рождения, товарищ старпом.

— Что вы надумали, Тимофей Лукич? — напрямик спросил Орлов.

— Есть небольшая идея. Давайте держать совет.

— Слушаю, Тимофей Лукич, — с интересом произнес Логинов.

Плескач вместо ответа стал хлопать себя по карманам и, не найдя того, что искал, разочарованно протянул:

— Ах ты, чёрт, кончились сухарики...

— Товарищ Никишин! — крикнул в переговорную трубу Логинов. — Сухариков капитану первого ранга!..

— Есть!

Отдраив дверцу переборки, вестовой передал сухарики и снова зажал барашками тяжелую дверцу.

— Штурман? — вопросительно произнес Плескач.

С возгласом «Есть!» Сахаджиев тотчас появился из своей рубки.

С удовольствием грызя сухарики, Плескач спросил:

— Через сколько времени, точно, будет полная вода?

Штурман посмотрел на часы.

— Через пять часов тридцать восемь минут.

— Предлагаю ровно через пять часов тридцать восемь минут всплыть на поверхность и прорываться из бухты в надводном положении с боем; в высокую воду пройдем над сетью.

Наступило молчание. Все обдумывали предложение.

— А что мы можем встретить наверху? — задал вопрос Новгородцев.

Загибая пальцы, Логинов стал подсчитывать:

— Огонь береговых батарей, сторожевых кораблей и, что вполне вероятно, самого «Принца Рупрехта»...

— Для «Принца Рупрехта» перезаряжаем торпедные аппараты, — сказал Плескач. — Может быть, и погибнем, но рейдер добьем. Над сетью, в надводном положении, появимся на несколько минут — будет уже темно. Ясно? Всплываем, атакуем «Рупрехт», одновременно радируем на базу. Артиллеристы и пулеметчики выбегают наверх. Отбиваемся и идем вперед — сразу на глубину.

— Можем и не отбиться, — пожал плечами Новгородцев.

— И это надо учесть, — согласился Орлов. — Предлагаю приготовиться и в случае чего...

— Подорвать лодку, — подсказал Новгородцев. — Я об этом и подумал... У нас на борту есть, кроме подрывных патронов, четыре гранаты. Три гранаты тем, кто

выбежит на мостик, когда лодка всплывет, а одну тому, кто останется внизу, на крайний случай. Эту гранату можно быстрее, чем патроны, бросить в артиллерийский погреб. Одна граната в артпогреб — этого достаточно, чтобы взорвать лодку.

— Правильное предложение, механик, — просто сказал Логинов. — Внизу останетесь вы. И взрывать лодку поручим вам. Но запомните: сделать это можно только, если не останется выбора. Наша задача — прорваться, каких бы потерь это нам ни стоило! Мы отвечаем за судьбу разведчиков Мызникова... А вы, Павел Васильевич, — обратился он к Орлову, — должны обеспечить радиопередачу на базу. Командование должно знать о нас...

— Правильно, Дмитрий Иванович, — подтвердил Плескач. — Вот и разработан план с подробностями. Суммирую... заряжаем аппараты новыми торпедами; ждем назначенного часа, всплываем на поверхность. Командир, я и старпом с гранатами выбегаем на мостик. Артиллеристы и пулеметчики за нами. Даем торпедный залп по «Рупрехту». Открываем огонь, будем прорываться. Орлов останется старшим внизу, дает радио в базу. Штурман и механик тоже остаются внизу, обеспечивают отход. Четвертая граната на крайний случай — подчеркиваю, на самый крайний случай — механику.

— Есть, товарищ капитан первого ранга, — с необычной для него серьезностью подтвердил Новгородцев.

Орлов дружески обнял боцмана за его могучие плечи.

— Все слышал, Василий Григорьевич?.. Как секретарь партийной организации поможешь мне подготовить людей в отсеках.

Боцман Шапочка в ответ похлопал рукой по металлу лодки.

— Мы-то выдержим, подводные матросы! — решительно сказал он. — Лишь бы «она» выдержала. Крейсер

долбанем, еще, может, кого-нибудь — по крайней мере надолго память немцу о себе оставим...

Плескач зло прищурился.

— Самый приятный фашист — мертвый фашист, — промолвил он.

Логинов повернулся к Плескачу.

— Разрешите готовить людей и корабль, товарищ капитан первого ранга?

— Готовьте! — ответил Плескач...

Но в то же мгновение извне послышался странный, царапающий, скрежещущий звук. Что-то скребло снаружи корпус лодки.

Все замерли и с тревогой стали вслушиваться. Скрежет не прекращался.

— Тралами прощупывают, — вымолвил Плескач. — Определяют место, поставят наверху буйки, если считают, что подбили. Потом водолазы будут подводить «полотенца», поднимут нас. Может, еще разок пробомбят для надежности.

— Вот тут и понадобится нам военное нахальство, — спокойно произнес Логинов. — Положение всем ясно. Оно серьезное. Может, и не удастся уйти отсюда. — Он обернулся к Орлову. — На этот случай прикажите, Павел Васильевич, людям побриться, надеть парадную форму и все награды...

Он умолк на миг и снова продолжал, чуть повысив голос, обращаясь теперь уже ко всем находившимся в центральном посту:

— Морские традиции — великое дело. Жили, как советские моряки, и умрем, если придет час, гордо, как советские моряки. Готовьте людей и корабль к бою, товарищи! Будем прорываться. Надо пройти! В добрый час!

Центральный пост мгновенно опустел.

Все разошлись по отсекам. У шахты перископа оста-

лись лишь Плескач и Логинов. Снова послышался резкий скрежет тралов, скребущих по корпусу «Северянки».

Плескач испытующе посмотрел в глаза Логинову. Командир «Северянки», не отводя взгляда, протянул руку комбригу; они молча обнялись и троекратно, по-русски поцеловались.

Скрежет трала за бортом усиливался...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПОЧЕМУ МОЛЧИТ «СЕВЕРЯНКА»?

— Есть у меня друг, командир подлодки, — рассказывал один североморец.—Смелый парень, воевал очень дерзко, и упорный — всегда своего добьется. Возвращается он однажды из похода с немалой удачей: напал на немецкий конвой, потопил транспорт и миноносец охраны. Хлебнула его лодка горюшка — побомбили ее фрицы глубинными бомбами после этой атаки. Но все благополучно обошлось. Подходят они к входу в родной залив, а туман стоит такой, словно все черти ада здесь две недели трубки курили. Ну, и промахнулся малость от усталости человек. У самого входа в залив посадил подлодку на мель. Бывает! Аварии никакой не произошло, сами своими силами обошлись. Задним ходом снялись с этой мели.

А я тоже накануне с моря пришел. Сидим на берегу с другом, выпили по маленькой, а он говорит:

— Вот мне сейчас на доклад к командующему итти, а я не могу на глаза ему показаться. Позор какой—корабль на мель посадил. Да еще где? Тут спросонок пешком холить можно, а я на мель...

— Ну, утешаю его, — насчет спросонок это ты, брат, загибаешь... Места тут тоже серьезные. И туман учитывать приходится. Случилось—и ладно, ничего не поделаешь. Два корабля немецких потопил, лодку и экипаж в целости привел, какие к тебе претензии?

— Боюсь я, брат. Это же командующий. Ну, как я, морской офицер, скажу ему, что лодку на мель посадил? Ему за меня стыдно будет. Я не только себя, я его подвел, самого уважаемого человека во флоте. Он ведь мне верил...

— Не съест же он тебя! Пожурит, ну, может, взыскание наложит и снова в море пошлет.

— А у меня какое чувство останется?.. Плохо, брат, плохо мое дело...

— Я его опять успокаиваю, а сам думаю: «И я, грешный, на его месте также убивался бы. Совесть скребла бы. Да и боязно — я его понимаю».

Странно это, если разобраться. Несколько часов назад человек в бою смерти не страшился, атаковал, лез в самое пекло, а домой пришел, обмишурился и командующему показаться боится. Но я бы тоже боялся на его месте. И всякий бы у нас боялся. Не наказания, а самой встречи с командующим при таких, можно сказать, прискорбных обстоятельствах.

Зато совсем другое дело, когда все у тебя в порядке. Идешь к командующему, и походка у тебя легкая; докладываешь ему, и голос у тебя твердый, уверенный. И он это чувствует. Человек он требовательный — ему чтобы смелая инициатива была. Морской порядок любит. В требованиях своих строг, но справедлив. И что удивительно: флот ведь большой, а всех на флоте командующий знает! Про каждого все знает! Внимательный к людям. На кораблях часто бывает, в море ходит, и все его на кораблях любят.

Приходилось и мне бывать у него на командном пункте.

Чего сам не видал — товарищи мне рассказывали. Есть там, например, в одной из комнат огромный стол, покрытый стеклом. А под стеклом подробнейшая карта полярных морей. И на стекле крохотные макеты всех кораблей нашего Северного флота, всех до одного! Взгля-

нешь на эту карту — и сразу видишь обстановку на театре, где какой корабль находится, куда держит путь, где минные поля, где противник...

Когда началась война, флагманский командный пункт флота перевели в глубокий тоннель в скале. Надо признаться, не любил комфлот там сидеть. Но приходилось. Работа требовала.

В этом подземелье, где был укрыт весь флагманский командный пункт, помещался во время войны и кабинет адмирала. Стены этой комнаты были неровны, повсюду торчали ребристые края скалы, израненной подрывными работами. Несколько ковров не могли уничтожить ощущения подземелья. Но обстановка была обычной для кабинета моряка: тяжелый большой письменный стол с приставленным к нему другим, подлиннее (в виде буквы «Т»), модели кораблей, географические карты, корабельные часы на видном месте, сбоку, у стены, большой диван. На столе, когда командиры приходили к командующему на доклад, всегда гостеприимно стояла ваза с фруктами, бутылка коньяку, на маленьком подносе несколько рюмок, бутылка нарзана, пара стаканов. Около кресла адмирала на маленьком столике теснились многочисленные телефоны.

И эти дни—дни похода «Северянки»— были особенно напряженными. Флот готовился к обеспечению наступления на Севере.

Нахмурив брови, командующий сосредоточенно работал за своим столом. Услышав, что дверь осторожно приотворилась, он поднял глаза и увидел члена военного совета.

— А-а, вернулся... — откидываясь в кресле, сказал командующий.— Из Москвы сегодня звонили. Тебе привет от адмирала.

— Благодарю... — ответил член военного совета, располагаясь в кресле перед столом. — Наступаем?..

Командующий положил перо и расправил плечи.

— Да.

Он произнес это простое и короткое слово, как человек, долго ждавший возможности произнести его: любовно и многозначительно, вкладывая особый, глубокий смысл.

— У тебя тяжелые, припухшие глаза, Андрей, — обеспокоенно заметил член военного совета. — Не спал?

— Кажется, — сказал командующий. — Вероятно, все время, пока тебя не было.

— Трое суток? — ужасаясь, переспросил член военного совета.

— Трое суток? Может быть и трое суток... Сейчас прилягу. Допишу и прилягу...

Он прищурился и произнес в раздумье:

— Сдержали мы свое слово, Кирилл?.. Они ломились с суши, готовили воздушный десант, с моря прорывалась к нашей базе эскадра...

Выражение упрямой гордости появилось на его усталом лице.

— Нас могли вынести отсюда замертво, но мы не ушли бы! И мы не отошли ни на шаг...

И вдруг, спохватившись, вспомнил:

— Что так задержался, Кирилл?

— У летчиков всегда застрянешь. Такая же моя страсть, как твоя — подводники. Вручал награды, разговорился с людьми, кое-что понадобилось на месте сделать. Землянки на аэродроме заставил переоборудовать, чтоб людям удобнее было, питание в столовых проверил, жулика-интенданта отдал под суд... Потом все расскажу... Андрей, отложи работу, прошу тебя, отдохни часок.

Командующий в ответ усмехнулся и совсем по-мальчишески подмигнул. «Как бы не так» — говорили его светлые глаза.

— Это же разработки штаба, — возразил он. — План нашего наступления! Сегодня встреча с командующим Полярной армией. Разговор о совместных действиях...

Широким жестом он провел снизу вверх по висевшей позади него карте фронта Отечественной войны.

— Правофланговые вперед! [1] Арктика наступает... Столько ждал этой минуты и вдруг — спать... Спать?.. Ты совсем как мой Витька...

Он тепло улыбнулся, вспомнив что-то хорошее.

— Такое забавное письмо нынче пришло... От витькиных одноклассников. Пишут: хотят быть такими, как я. И Витька мой подписался... Они думают, война — это так: командующий флотом, морской волк, корсар, вышел на мостик своего флагманского корабля и громовым голосом приказал взять неприятеля на абордаж...

Командующий не без горечи засмеялся:

— Я тоже так думал в их возрасте. «Моряк видит мир в натуральную величину»... «Моряк плавает вокруг земли»...

Водя рукой по карте, он отвечал сам себе, как заученный урок:

— Здесь... Здесь... Здесь... Что это такое?.. Квадрат «Три-Б», в нем несет дозор посыльное судно «Бриллиант». Где в эту минуту находится наш конвой номер ноль двадцать пять — караван с оружием для армии?.. Пересекает семидесятую параллель, лег на курс к нашим берегам. Был атакован в пути подводными лодками противника — дважды у берегов Исландии, один раз на траверзе острова Медвежьего и один раз в открытом море. Пять раз подвергся массовому налету неприятельских торпедоносцев. Два транспорта имеют повреждения... Когда прибудут пальцы для дизелей подводных лодок?

[1] Северный флот занимал правый фланг фронта Отечественной войны.

находятся на станции Ореховка, будут доставлены через два дня... Не спать и все всегда помнить! Всегда помнить!..

Командующий вздохнул:

— А как хочется самому поплавать, Кирилл!.. Так хочется поплавать!.. А тут — «Чайка»? Я — «Океан», «Треска»? «Океан» слушает. Диспетчер на путях океана войны!.. Диспетчер, которому нельзя отойти от пульта!.. Где же штормы, торпедные атаки, артиллерийские бои?.. Кой чёрт! Война—это не спать и все всегда помнить. Где сейчас, товарищ командующий, ваши подводные лодки, эсминцы, тральщики?..

— Серьезные изменения думаешь внести в план операций? — спросил член военного совета.

— Нет, все разработано и рассчитано вполне правильно. Осталось лишь одно белое пятно. Его заполнят сведения, добытые Мызниковым. Это, действительно, очень важно, и этого нехватает. Сведения от Мызникова — и тогда все...

— Мызников должен вернуться завтра?

— Да, но у Плескача плохие дела.

— Что-нибудь случилось?

— Плескач обнаружил в своем квадрате «Рупрехта».

— «Рупрехта»?..

Раздался телефонный звонок. Командующий снял трубку, утвердительно кивнул члену военного совета.

— «Чайка»? Я — «Океан».

Затем он произнес в телефон, повторяя услышанное:

— В Сочи возможен снегопад?.. Большой?.. Встречайте грузы. Укройте брезентами. Сколько посылаете?

Он умолк, размышляя, и затем решил:

— Нет, силы могут оказаться неравными. В этом случае рисковать нельзя. Обеспечьте превосходство. Прибавьте еще...

Командующий прикинул в уме и сказал:

— Три... Есть?.. Как охота на медведя?.. — И пояснил, прикрывая трубку, члену военного совета: — На «Рупрехта». Добро, — продолжал он телефонный разговор. — Действуйте! До свиданья!..

И, положив трубку, объяснил:

— Плескач, ожидая Мызникова, встретил в своем квадрате крейсер «Принц Рупрехт» и погнался за ним. Он имел на это право. Разведка доносила, что «Рупрехт» болтается поблизости от наших вод. Такую встречу мы с Плескачом предвидели и обсуждали совместно. Радиограмму «Северянки» о решении атаковать «Рупрехт» я получил. Но с тех пор больше ни звука. Может быть, молчат, остерегаясь, чтобы не запеленговали?.. Сегодня мы перехватили и расшифровали немецкое радио: «Принц Рупрехт» торпедирован большевистской подлодкой, повреждено управление, лодка уничтожена». Я отдал приказ авиации — добить крейсер. Сейчас бомбардировщики и торпедоносцы должны вылететь в бухту «Чулок». Если в ближайшие часы ничего от Плескача и Логинова не будет — пошлю за Мызниковым другую лодку. «Касатка» пойдет. Но не могу поверить, чтобы «Северянка» погибла...

— С Плескачом на борту?.. Не могло этого случиться!

— Война. Всякое возможно,— горько промолвил командующий.

Он снял трубку одного из телефонов.

— «Треска»? Говорит «Океан». Что «Северянка»? Молчит?— командующий сокрушенно покачал головой.— Есть «Касатка» в часовой готовности. Нет, подождите отправлять. Тогда прикажу. Еще немного. Может быть, Плескач даст в эти часы о себе знать. Так... Так... Кочетков уже прошел мыс Торос?.. Потопил что-нибудь? Не сообщает?.. Вот характер — все у них на «Малютках» такие: пока в бухту не войдет, ничего от него не

узнаешь. Обязательно пальнуть ему из своей пушечки в базе надо...[1] Доложите,— сердито продолжал он,— когда Кочетков будет в базу входить. Добро!..

Он положил трубку, вышел из-за стола и, заложив руки за спину, нервно зашагал по кабинету.

— Очень расстроен народ на подплаве,— тревожно сказал он. — «Северянка»... Это же цвет, гордость подводная... «Касатка» готова выйти за группой Мызникова. Если Плескач до вечера не обнаружится, дам «добро» на выход в двадцать четыре. На переход — сутки. «Касатка» как раз в темноте до фиорда доберется... Но не думаю я, чтобы «Северянка»...

Командующий огорченно махнул рукой.

— Отдохни же, Андрей! — снова настоятельно попросил член военного совета. — Можно? — осведомился он и, на утвердительный кивок адмирала, придвинул к себе пачку бумаг со стола и стал их перелистывать.

— Разбуди, пожалуйста, когда Кочетков придет.

— Разбужу, разбужу,— успокоил член военного совета, с интересом продолжая перелистывать бумаги.

Командующий снял ботинки и лег на диван. Он лежал с открытыми глазами. Ему трудно было сейчас работать, но еще труднее было заснуть.

— Хорошо! — с удовольствием сказал член военного совета, задержавшись над одной из бумаг. — Евсеева — командиром на «Кашалот»?.. Правильно.

— А что же? Прекрасный будет командир, — ответил командующий. — Вернется с «Северянки» Евсеев — будет принимать под свое командование «Кашалот». Это его последний поход старпомом...

---

[1] На Северном флоте в годы Отечественной войны установилась традиция — подводники, возвращаясь с моря, салютовали выстрелами в честь своей победы: сколько потопили вражеских кораблей — столько выстрелов.

— «Последний»... «Вернется»... — задумчиво повторил он. — Нет, конечно, вернется...

Член военного совета придвинул к себе новую папку.

— Эге,— заметил он. — Да тут у тебя почта еще не распечатанная...

— Перед самым твоим приходом принесли. Просмотри, пожалуйста, нет ли чего срочного.

— Несколько писем. Из Архангельска. Из Вологды... Из Москвы... Телеграмма... Телеграмма из Ленинграда.

— Что за телеграмма?

Член военного совета распечатал телеграмму и стал читать вслух:

— «Прошу сообщить офицеру Сахаджиеву, результате артобстрела ранена жена его, находится центральном госпитале. Сожалению ампутировали левую ногу. Жизнь безопасности. Ребенок попечении соседей. Майор Федоров...»

Но то, что он прочел, не укладывалось в его мозгу.

— Сахаджиев?.. — повторил он. — Штурман с «Северянки»? Его жена?.. Ампутировали левую ногу?.. Да он же ей туфли шьет! Весь подплав это знает...

— Я тоже это знаю,— глухо сказал командующий.— Я тоже это знаю...

Резким движением он приподнялся на диване и сел.

— Как же ему об этом сказать?.. Помнишь, Кирилл, как мы узнали, что у Плескача жена умерла, не выдержала ленинградской осадной зимы?.. Сколько времени от него это скрывали! Да разве скроешь?.. И никого у человека близких не осталось, кроме его подводников. Только придет с моря и тотчас на другой лодке опять в поход...

Его перебил телефонный звонок...

— «Северянка» отыскалась?.. — с надеждой в голосе вымолвил командующий.

— Я — «Океан»,— сняв трубку, сказал член военного

совета. — «Океан» слушает. Какие новости с «Северянки»? Нет?.. Да, сейчас придем на пирс [1].

Он положил трубку и пожал плечами.

— От «Северянки» ничего нет. Может быть, действительно остерегаются радировать, чтобы противник не запеленговал их место?.. Собирайся, Андрей, своего любимчика, подводного асса, встречать...

Командующий заторопился, натягивая ботинки. И в это мгновение откуда-то из-за стен командного пункта донесся глухой пушечный выстрел.

— Любимчик, любимчик... — ворчливо негодовал командующий. — Всегда так... Палит теперь из пушечки вместо того, чтобы с моря доложить радиограммой о победе. «Торпеды израсходовал, разрешите вернуться в базу». А куда израсходовал — неизвестно...

Но тут же сменил гнев на милость и с плохо скрытой гордостью добавил:

— Наверное, опять фашистскую подводную лодку утопил!.. Подводный асс, парень — загляденье, погибель девичья...

— Еще бы! Такой герой, да еще красавец, белокурый да кудрявый...

Адмирал взял члена военного совета под руку и увлек его за собой.

— Хочется поплавать, Кирилл! — снова сказал он. — Как хочется поплавать!..

Они торопливо вышли из подземелья наружу. «Малютка» Кочеткова, пересекая бухту, плавно приближалась к пирсу. Дульная часть ее пушечки была после выстрела задрана к поднебесью. Со скалы, по дощатым трапам, отовсюду бежали подводники — встретить товарищей, вернувшихся с победой.

А «Северянка»? Почему молчит «Северянка»?

---

[1] Пирс — в данном случае пристань для подводных лодок.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«МОРЯК МОРЯКА НЕ ПОДВЕДЕТ!»

У самого гребня скалы над фиордом лежал связанный пленник — немецкий офицер. Возможно, что ему было холодно этой ночью, ибо одет он был слишком легко, не по сезону и климату. Все немцы на Севере дрожали от холода в том году. И причиной этому была «Северянка».

За месяц до событий, о которых здесь идет речь, разведка Северного флота получила важные сведения. В заполярной базе фашистов — Киркенесе — ожидался транспорт, груженный пятьюдесятью тысячами полушубков. Без этих полушубков предстоящая зима в Арктике должна была превратиться для немцев в пытку. Командующий Северным флотом приказал подводникам во что бы то ни стало потопить этот транспорт. Приметы транспорта были известны довольно точно. Настигнуть и потопить его посчастливилось «Северянке».

И фашисты остались зимовать в Заполярье без полушубков. А если учесть, что наши подводники аккуратно топили и другие транспорты врага — с боезапасами, вооружением, продовольствием,— то станет понятно, почему Красная Армия частенько благодарила за помощь наш подводный флот.

Немец лежал связанный на скале, а неподалеку от него расположились Надя, Оге Хомстен и разведчик Туркин. Стараясь не причинить боли своей забинтованной ноге, Туркин осторожно управлялся с фонарем, сигнализируя в сторону моря. Надя и Оге напряженно всматривались в ночь, ожидая ответа на сигналы. Но ответа не было.

— Нет ничего,— огорченно сказала Надя.

— И я не вижу,— подтвердил Оге.

— Подождем немного, опять посигналю,— успокоил

их Туркин. — Могли и задержаться. Наши ведь тоже запаздывают.

— Я и о них беспокоюсь, — призналась Надя. — В сущности норвежские товарищи, которых мы так неожиданно встретили здесь, нам так хорошо помогли, что оставалось только взять этого... — Она показала на пленного. — Но капитан у нас очень уж дотошный.

Оге сказал:

— Штабные документы из Сиэльвэ много скажут. Мы не могли знать, что вы придете. Мы бы достали.

— Там большой гарнизон? — спросила Надя.

— Нет, но у штаба сильная охрана,— пояснил Оге. — Это ничего. Наши товарищи помогут Мызникову.

— Как нога, Леша? — обратилась Надя к Туркину.

— Спасибо, в порядке,— ответил разведчик.

— Пора сменить бинт. Давай, сделаю...

Она достала из своей сумки все необходимое и принялась за перевязку.

— Чёртов фашист, — ворчал Туркин, морщась от боли,— чтоб ему ни дна, ни покрышки. Он со страху стрелял, все равно ему податься было некуда... Мы поперек дороги бревно уложили, машина его ткнулась и — хлоп! — кверху донышком. Шофера пришибло, а этот,— тут разведчик показал на пленного,— палит в белый свет, как в копеечку. — «Вальтера» (Туркин похлопал себя по кобуре) я у него отобрал... а все-таки прямо за икру укусил меня пулей. Ох, и разозлился же я! Стукнул вежливо его по затылку гранатой, он с катушек. Володька и Назар потом в чувство его приводили — еле отошел. Капитан его и по-немецки и по-норвежски расспрашивал — не отвечает. Недоволен...

— Заговорит,— утешала Надя. — Может, опять посигналишь, Леша?

— Немножко погодя,— пообещал Туркин. — Придет за нами «Северянка», как же иначе? Моряк моряка не

подведет. Это дело нехитрое — фонарем позывные дать. Больше переговоров было! Я и сейчас не разучился...

— Почему же ты с корабля ушел? — участливо спросила Надя.

— Лично с фашистами встретиться захотелось. На суше своими руками придушить можно.

— Я бы с моря не ушел,— покачал головой Оге.

— А мы что — не моряки? — обиделся Туркин. Он расстегнул куртку у ворота и обнажил тельняшку. — На то и тельняшку оставляем, полосатая морская душа наружу. В тельняшке я есть моряк на суше. Придешь в морскую пехоту — только и спросят: «С какого корабля?» и все. Свой. И все с тобой пополам, по-морскому. Назар Бровков, наш разведчик, к примеру, и не плавал никогда, на берегу флотскую службу служил, а все равно моряком себя считает. В атаку идет во весь рост, не сгибаясь. Думает, чудак, что это — флотский шик. Крикнут ему: «Поберегись, парень! Моряк нашелся, ты и на флоте-то не был». А он: «Раз я в морском отряде — значит моряк». Это же с первого дня, как только придешь на флот, в кровь входит. Еще в карантине, еще в учебном отряде, еще ты не матрос, а уже старшина тебе внушает: «Ты теперь моряк. Ничего не боишься, никому спуску не даешь — вот твое морское дело». Так и привыкаешь еще салажонком. И дорого все флотское становится. Скалы-то какими тоскливыми показались, когда впервые на Север пришли! Увольняться на берег никто не хотел. Куда там ходить: скалы и скалы. А комиссар сказал: «Это наши скалы. Надо их знать, тогда и полюбите». И в самом деле неприветливые места, а ведь как привязались мы к ним...

Туркин умолк и снова принялся сигналить в сторону моря, вызывая «Северянку». Но море было пустынно.

— У вас есть невеста, Леша? — неожиданно спросила Надя.

Туркин не удивился вопросу.

— Есть,— ответил он, попыхивая «козьей ножкой»,— Катей зовут.

— Ждет вас?

— А как же? Пишет в каждом письме — буду ждать; пока не кончится война, ни за кого замуж не выйду. Хорошая она. «Без тебя,— говорит,— жизни мне нет». И такими словами пишет, что душу переворачивает. Я думал прежде: такая любовь только в книжках бывает. А в жизни, оказывается, еще лучше... Встретимся когда-нибудь...

— После войны в девятнадцать тридцать? — вспомнив о своем, улыбнулась Надя.

— Точно. Я с ней в Архангельске познакомился. Отец ее помор, у нас плавает. Может, видали такого командира бота? Старикан с медалью, борода по пояс, одна маленькая звездочка на погоне. Попросился в кадры — ему звание младшего лейтенанта дали.

— Это Данилыч? — догадалась Надя.

— Кто же его не знает? Он свой ботишко под любым обстрелом водит. Партизанил когда-то. Недавно перебрасывал нас к немцу в тыл, на Пикшуев. Ох, и фитилял нас!

— За что?..

— Не так,— говорит,— воюете. Думаете,— говорит,— вы молодые, а мы старики?.. Да вы мне,— говорит,— дайте полтораста человек — я через две недели в Берлине буду...

— Боевой старик,— усмехнулась Надя.

— Он знает, чего хочет,— вставил Оге.

— Мы тоже знаем,— заметил Туркин.

— А Мызников как? — не удержалась от вопроса Надя.

— Капитан — человек серьезный, — солидно сказал Туркин. — Придет время, будем с ним и в Берлине. Строг он, конечно, но без этого в нашем деле нельзя.

Душа у него флотская. И орлы наши его любят. Давно вы с ним знакомы?

— Давно,— вздохнула Надя. — До войны еще. Потом к нему в отряд просилась — не брал. Меня санитарным врачом базы сделали — очень скучная работа. Я воевать думала, а не на базе сидеть.

Из-за камня появился один из разведчиков Мызникова, Маслюков; голова его была повязана окровавленной тряпкой. Обессиленный, он еле брел под тяжестью автомата и двух больших сумок.

— Товарищи! — тихо вымолвил Маслюков.

Все обернулись. Надя вскрикнула.

— Браток! — ужаснулся Туркин.

— Мы все взяли... — бормотал Маслюков, опускаясь на мох. — Капитан меня вперед послал... В сумках — штабные бумаги... Очень важно... Обязательно доставить... Лошадь подбили... Я дошел...

Надя ловким движением подложила раненому под голову сумку.

— Где они?.. — тревожно спросила она.

— Капитан жив... — с трудом выговорил Маслюков. — Капитан с Назаром на скале нас прикрывать остались... Немцы из автоматов били... Капитан приказал ехать... Я не хотел... Он сказал — надо... Я поскакал... А потом мы патруль встретили...

— Немцы могут сюда притти?

— Не знаю,— сказал Маслюков. — Капитан приказал грузить бумаги и пленного фрица на «Северянку». Если фашисты придут — будем на лодке под огнем отходить.

— Лодки еще нет, Володя,— пояснил Туркин.

— Не может этого быть. Давал позывные?..

— Давал несколько раз.

— А если лодки не будет?

— Сами встретим фашистов! — с жаром воскликнула Надя.

Туркин почесал в затылке.

— Два автомата, два пистолета, десять гранат... — Он сплюнул и покачал головой. — Маловато... Но повоюем...

— А «языка» куда? — напомнил Оге о пленном.

— В случае чего... — Туркин сделал весьма неутешительный для пленного жест. — Бумаги уничтожим. Сами живыми не сдадимся...

— Посигналь еще, Леша,— попросил Маслюков.

Туркин с готовностью защелкал фонарем. Замигал луч, но ответа с моря не было.

— Будем грузить на шлюпку,— решила Надя. — Развяжи, Леша, пленному ноги. Пусть своим ходом идет.

— Сейчас развяжу,— ответил Туркин, доставая нож. — Невежливый какой попался. Так ни слова и не сказал...

Он поиграл ножом и мрачно усмехнулся.

— Еще перепугается ножа, подумает — хочу прикончить.

— Офицеров генерального штаба не берут в плен, чтобы прикончить,— неожиданно раздался голос пленного. Он говорил на русском языке с легким, но заметным акцентом. — Насколько я понимаю, вам я нужен. Может быть, что-нибудь важное скажу...

Туркин в изумлении разинул рот и, с трудом овладев собой, пробормотал:

— По-русски говорит!

— Почему вы не отвечали капитану на вопросы? — строго спросила Надя фашиста.

— Ваш капитан не был одет по форме,— чванливо произнес пленный. — Я думал, что это рядовой солдат. Я могу говорить только с равным или старшим по званию. Извините, доктор, но я не могу считать и вас офицером. Когда доставите меня в свой штаб, я скажу все, что нужно. Теперь вы меня не убьете, надеюсь?..

— Посмотрим,— буркнул Туркин.

— Кто вы? — спросила Надя. — Вы хорошо говорите по-русски.

— Обер-лейтенант Хельмут фон-Румрих. Офицер германского генерального штаба должен знать русский язык, как таблицу умножения. Не думаете же вы, что эта война была для нас неожиданностью... Очень прошу снять или ослабить веревки...

— Не по вкусу? — сурово сказал Туркин. — Если твои придут сюда, все равно прирежу.

— Это было бы нерассудительно,— пожал плечами пленный, насколько это позволяли ему стягивающие веревки. — Добыть меня с таким трудом и лишиться, ничего не узнав...

— Можно подумать, вы давно искали случая сдаться,— презрительно заметила Надя.

— Не иронизируйте. Я, дворянин, офицер германской армии и патриот Германии. Мой дед и отец тоже были офицерами... Но бессмысленно сопротивляться судьбе. Для меня война окончена. Раз я уже попал в плен, я умываю руки.

Надя брезгливо посмотрела на него.

— Чужую кровь не смоешь! Боитесь ответственности?..

Пленный отвернулся.

— Я считаю такой вопрос неуместным,— пробормотал он.

Голос Нади зазвенел от волнения.

— А детей в колодцы бросать считаете уместным?..

Пленный молчал.

— У-у, гад... — замахнулся на него Туркин.

Надя удержала его за руку.

— Не надо, Леша,— поморщившись, сказала она. — Я кажется слышу, где-то скачет всадник...

Прислушались... С каждым мгновением конский топот звучал все явственнее. Все бросились к камням и,

приготовив оружие, залегли, ожидая врага. Раненый Маслюков с трудом приподнялся и стиснул пистолет.

Топот приближался. Из-за камней на взмыленной лошади появился почерневший, оборванный Мызников. Он угрюмо спешился и вместо «здравствуйте» сердито произнес:

— Почему вы еще здесь?

— Ты не ранен? — с тревогой спросила Надя.

— Почему вы еще здесь? — сурово повторил Мызников.

— «Северянка» не пришла,— пояснила Надя. — Но где Бровков?..

— Я не ранен,— с усилием сказал Мызников. — Бровков...

Туркин с волнением взглянул на своего капитана.

— Погиб? — прошептал он.

Мызников отвернулся, опустил голову. Надино лицо дрогнуло, по щекам побежали крупные слезы.

Мызников поднял голову и медленно заговорил. Голос его срывался.

— Они подползли совсем близко... Мы отбивались на вершине сопки... Бровков и я... А их группа... Может быть, пятнадцать... Кричали: «Сдавайтесь»... Мы били в упор... Вышли патроны... Бровков встает, граната в руке... «Ты куда?» «Прощай, командир! Уходи, командир!..» Я не успел ничего сказать... Он прыгнул к ним... И сразу взрыв, и стало тихо... Совсем тихо... Никогда не слышал такой тишины!.. «Прощай, командир!... — глухо повторил Мызников. — Уходи, командир!..»

Оге снял шапку.

— Он был хороший солдат,— с гордостью и скорбью произнес норвежец.

— Он матрос! — сжимая автомат, выкрикнул Туркин. — Сто врагов за него угроблю...

— Весь отряд подымем на месть! — грозно промолвил Маслюков.

Наступила тишина, все вспоминали погибшего товарища... Первым прервал это молчание Оге. Надев шапку, он деловито обратился к Мызникову:

— Немцы сюда могут придти?

— Теперь не придут,— успокоил капитан. И, взглянув на пленного, спросил: — Этот все молчит?

— Высказался,— угрюмо ответил Туркин.

— Вызывали «Северянку»?

— Да,— сказала Надя. — Не отвечает.

— Попробуйте еще,— распорядился Мызников.

Туркин снова принялся сигналить. Маслюков, превозмогая боль от раны, подполз к самому краю скалы и стал вглядываться вместе со всеми. Но ответа с моря попрежнему не было.

Мызников тяжело опустился на мох у камня. Он так нечеловечески устал, что, едва прикоснувшись к камню, мгновенно уснул.

Надя приблизилась к Мызникову, осторожно пристроила ему мешок под голову и бережно укрыла капитана курткой.

— Не надо будить капитана,— с нескрываемой нежностью прошептала она. — Все равно спешить некуда. Надо ждать лодку...

— Наши придут! — упрямо сказал Туркин. — Они обязательно придут! Моряк моряка не подведет!..

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О САМОМ ГЛАВНОМ

В этот же час в кают-компании гвардейской подводной лодки «Северянка» собрался почти весь экипаж. Не пришли лишь те, кто нес вахту «Северянка» лежала на грунте, на дне вражеского фиорда, а в ее отсеке шло партийное собрание подводников.

Офицеры и матросы точно выполнили приказание

Логинова. Они переоделись, заменив свои ватники и валенки красивой формой, в которой отправлялись на берег, надели гвардейские ленточки и награды. У Плескача на груди сияла Золотая Звезда, два ордена Ленина и орден Красного Знамени. У Логинова — орден Ленина и орден Красного Знамени. У Орлова — орден Красного Знамени и орден Красной Звезды. Ордена и медали были на груди каждого офицера и матроса «Северянки».

За столом кают-компании сидел президиум — Плескач Логинов, Орлов, электрик Медынский и боцман Шапочка. Остальные стояли вплотную; в отсеке было тесно.

Собрание вел боцман — секретарь партийной организации. Голос у него был тихий, мягкий, не без приятности, с сильным украинским акцентом. Но он говорил с усилием — дышать в лодке после долгого пребывания под водой стало уже трудно.

— Настроение у нас, товарищи, на сегодняшний день такое, что пять наших комсомольцев и два беспартийных подали заявления в партию. Мы приняли их кандидатами.

С этого дня весь экипаж нашей «Северянки» — коммунисты. Всем — жить, как коммунисты, драться, как коммунисты, умирать, как коммунисты. Кто хочет слова, товарищи? Еще раз предупреждаю — голоса не повышать. И шум лишний и силы надо экономить — кислороду в отсеке не густо... Очищать воздух сейчас нельзя — немцы наверху услышат работу механизмов. Пусть думают, что нас потопили. Кому трудно — дыши через патрон регенерации. Кто просит слова?..

Один из матросов поднял руку.

— Торпедист товарищ Яремчук,— объявил Шапочка.

Яремчук снял бескозырку.

— Спасибо, товарищи,— сказал он и остановился. Удушье мешало ему говорить. Он выждал мгновение и продолжал, напрягая силы: — Сказал я вам, что хочу в этот бой итти коммунистом, и вы уважили мою просьбу.

Знаете вы — у меня три брата пали в боях и вся семья погибла. За эту кровь — кто, кроме меня, с фашистов взыщет? Пусть другой много врагов убьет, так ведь это не я. А я свое взять должен. Есть у меня к собранию еще одна просьба. Я готовил торпеды для носовых аппаратов. Прошу — пусть из первого номера пойдет торпеда за мою семью. Прошу написать: «Месть за погибшую семью подводника коммуниста Яремчука»...

— Возражений не будет?— спросил у собрания Шапочка. — Уважим заявление товарища Яремчука.

Яремчук негромко повторил:

— Спасибо, товарищи!

Попросил слова другой матрос.

— Электрик товарищ Ведерников,— объявил боцман.

— Дорогие братья матросы, — сказал Ведерников. — Нет у меня ни отца, ни матери, ни сестры, ни брата. С детства я сирота. Не за семью свою мщу я врагу, за любимую Родину советскую. И пока ходят по морю наши корабли, пока есть хоть один моряк — не жить фашистам на белом свете!.. Как электрик, заверяю товарищей коммунистов — есть еще плотность в наших батареях. Хватит тока ударить по немцу...

Он погрозил вверх кулаком и пошатнулся от удушья. Товарищи поддержали его, протянули ему патрон регенерации. Ведерников припал к патрону, с жадностью стал всасывать очищенный воздух, затягиваясь им, как хорошей папиросой.

Заметив поднявшего руку Сахаджиева, боцман предоставил ему слово.

— Вы меня знаете,— сказал штурман. — Человек я веселый и жизнь я люблю. Все меня в жизни радует — и море наше, и березка в лесу, и детский смех на реке, и звезда надо мной. Идем мы с моря на базу — горит перед нами Сириус, указывает путь к родным берегам. Приеду на любой наш флот — всюду встретят меня свои — товарищи по училищу. И в каждом городе

нашем я свой. Мы члены одной большой семьи. Я — армянин, жена моя — русская. Командир — русский, его жена — украинка. Старпом — русский, женат на еврейке. У боцмана Шапочки, украинца, жена чувашка. Мы все братья по классу, братья по оружию и братья по крови. Большая семья у нас — вся наша великая Родина, товарищи! Мы любим, и все мы любимы. Не только жены и матери — вся большая семья будет оплакивать нас, если мы погибнем. И самому Сталину доложат: «Погибла вот «Северянка»... Будем же драться за победу! Зубами горло врагу перервем, а пробьемся. Так, по-моему, надо...

Шапочка повелительным жестом остановил желающих аплодировать и объявил:

— Слово товарищу замполиту.

Орлов выпрямился и, слегка прищурив глаза, заговорил удивительно проникновенно:

— У нас общие мысли и чувства, товарищи! Жить суждено, и победить! Перед смертельным боем мы запомним эти минуты навсегда. Будем гордиться тем, что в часы смертельной опасности на борту нашей «Северянки» не нашлось ни одного малодушного, что гвардейский флаг нашей подлодки никогда не был и не будет запятнан ни трусостью, ни бесчестным поступком... Вот он — наш флаг!..

Он бережно развернул бело-голубой флаг с эмблемой Советской страны и золотисто-черной гвардейской лентой.

— Он будет вынесен наверх, когда мы всплывем, и пусть каждый помнит об этом.

Аккуратно свернув флаг, замполит передал его Логинову. Командир спрятал флаг на груди. Орлов продолжал:

— Я видел Сталина, товарищи, на борту «Декабриста» — первой советской подводной лодки на Севере. Сталин напутствовал наши боевые корабли, шедшие на Север. И когда мы пойдем на прорыв — Сталин будет с нами. Он будет в наших сердцах. И потому, что он

будет с нами, мы прорвемся и победим. Сталин — это победа. Сталин — это жизнь. Во имя жизни, во имя победы — мы должны пройти! Мы должны биться с гвардейской, большевистской, матросской отвагой! Пройдем, победим, товарищи!..

Шапочка снова жестом запретил аплодисменты.

— Поступило предложение исполнить наш государственный советский гимн, — сказал боцман. — Но ввиду того, что петь нельзя, — вражеские акустики наверху услышат, — предлагаю на две минуты встать под флаг молча, и пусть каждый поет гимн про себя. Нет возражений?.. Принимается.

Логинов скомандовал экипажу «смирно», достал флаг, спрятанный на груди, и, развернув, прикрепил к трубе магистрали. Он отдал флагу честь, и следом за ним все офицеры отдали воинское приветствие.

Шапочка взглянул на часы:

— Исполняем гимн.

Наступила торжественная тишина. Каждый пел про себя, но каждому казалось, будто он слышит доносящиеся откуда-то, как дуновение могучего ветра, оркестровые звуки гимна. В отсеке стояла полная тишина. Подводники пели молча.

— Партийное собрание считаю закрытым, — сказал Шапочка.

В это мгновение где-то наверху раздался мощный грохот далеких и гулких взрывов, напоминающих горный обвал. Подводники взглянули вверх, как будто можно было что-либо увидеть сквозь корпус лодки и многометровую толщу воды. Взрывы следовали один за другим и вскоре смолкли. Снова воцарилась тишина.

— Это не глубинные бомбы! — нарушил общее молчание Плескач. — Похоже, на бухту налетели наши бомбардировщики. Если «капают» на «Рупрехта» — это здорово! Надо воспользоваться суматохой и уходить... Пора, командир!..

Логинов обратился к экипажу:

— Верю, товарищи, — гвардейских морских традиций не осрамим!.. По местам стоять. К всплытию! Торпедные аппараты к залпу изготовить! Артрасчет и пулеметчики в центральный!..

Командир взял флаг и бережно уложил его на груди под кителем. Люди разбежались по местам.

Выбегать наверх из люка можно только по одному, и неотъемлемое право выпрыгнуть на мостик первым всегда принадлежало командиру лодки. Эту честь Плескач уступил Логинову, хотя и был старше его по званию и должности. Он стал позади Логинова; следом ожидали своей очереди старпом Евсеев, минер Мельничанский, три матроса артрасчета (среди них был и Никишин) с ящиками снарядов и два матроса с пулеметами.

Новгородцев вручил командиру, капитану первого ранга и старпому по гранате.

Оставив себе четвертую гранату, механик решительно стиснул ее и отошел к артиллерийскому погребу.

— Всплывать! — скомандовал Логинов.

Послышался нарастающий шум струящейся воды — это продувались систерны, балластная вода выбрасывалась за борт, «Северянка» всплывала.

— Глубина сорок метров!.. — выкрикивал боцман Шапочка. — Глубина тридцать метров!.. Глубина десять метров!..

Логинов, засунув гранату за пояс, поднимался по трапу рубочного люка. Товарищи шли за ним...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

БОЙ В ФИОРДЕ

Свободные часы перед партийным собранием подводники провели отдыхая. Таково было распоряжение Плескача. В это время выполнялись только самые необ-

ходимые работы. Недостаток кислорода становился все ощутимее.

В эти часы бездействия старпом Евсеев забрался в рубку Сахаджиева и, не обращая внимания на друга, спавшего на койке, распоряжался за штурманским столом. Но Сахаджиев неожиданно проснулся. А может быть, он и не спал?..

— Что пишешь, Аркадий? — осведомился штурман.

— Так, ничего особенного, — сказал Евсеев. — Письмо Наташе...

— Обратный адрес — бухта «Чулок»? — не без горечи заметил Сахаджиев.

Евсеев ничего не ответил. Перо его быстро бежало по бумаге:

«Давно уже пишу тебе письма. Не те, что ты получаешь. В тех: «жив, здоров, все в порядке». Другие, совсем другие! Я кладу их пока в стол. Буду хранить, покажу, когда встретимся после войны. Зачем знать тебе о наших переживаниях в эти трудные для тебя дни. У тебя и так много забот! А мы еще встретимся!

Трудно нам, любимая... Наша «Северянка» лежит на грунте в бухте «Чулок». Выход из бухты заперт противолодочной сетью. Через несколько часов будем всплывать и прорываться. Дождемся прилива и попробуем пройти с боем над сетью. Что ждет нас там, на поверхности?.. Увидим ли мы с тобой снова Ленинград и зал консерватории, где встретились впервые?..

Помнишь то морозное воскресное утро? Я отчетливо представляю сейчас нас обоих: тебя — тоненькую, большеглазую, и себя — наголо обстриженного, застенчивого курсанта. До сих пор, удивляюсь — как я осмелился тогда заговорить с тобой!

Мы оказались рядом в высоком и светлом зале и слушали шестую симфонию Чайковского. Слезы бежали по твоему лицу, величие и мужество удивительной музыки властвовали в зале... Мне кажется, что сейчас я снова

слышу эти звучания. Но это только кажется. В лодке совсем тихо. Нас не должны услышать враги наверху...

А потом, в антракте, я все-таки заговорил с тобой. И ты ответила... Помнишь, ты еще сказала тогда, что любишь эту праздничную тишину зала, запах духов и апельсинов, шелест платьев и программок.

Вчера я снова видел тебя во сне. Ты часто снишься мне, любимая. Очень хочется жить! Очень хочется увидеть тебя! Это будет. Это должно быть.

Скоро из центрального поста передадут: «Старпома — к командиру!» Будем всплывать.

Что подстерегает нас наверху? О нас знают. За нами охотятся. Все может быть. Но мы пройдем. Мы обязательно пройдем, родная! Я в это верю...

«Старпома — к командиру!» ...Иду...»

Не дописав, старпом быстро сложил листок и спрятал письмо на груди.

Дверца штурманской рубки приоткрылась, на пороге появился Плескач.

— Ба, вот ты где! — произнес Плескач.

Старпом и штурман вскочили и вытянулись.

— В кают-компанию! — сказал Плескач.

Евсеев и Сахаджиев последовали за Плескачом. Начиналось партийное собрание... А потом, когда лодка всплыла, события развернулись с необычайной стремительностью...

...Едва рубка «Северянки» показалась над водой, люк был отдраен, и люди выпрыгнули на мостик: Логинов, Плескач, Евсеев, Мельничанский, матросы артиллерийского расчета и матросы с пулеметами.

Взревели дизеля — подводная лодка рванулась вперед самым полным.

Над ночной бухтой стояло багровое зарево, стлался едкий дым.

— «Рупрехт» горит! — торжествующе выкрикнул Плескач, указывая на пылавшую вдали громаду крейсера. —

Чистая работа, наши летчики!.. Должно быть, осветили бухту ракетами и ударили...

Черные хлопья дыма, медленно кружась, садились на воду во всей бухте.

«Рупрехт» медленно погружался. На верхней палубе его метались озаренные пламенем черные фигурки. Многие прыгали за борт.

Налетевшим шквалом на мгновение рассеяло дым у воды, и подводники увидели катера, суетившиеся около гибнущего крейсера. Баграми команды катеров вылавливали из воды тонущих матросов «Рупрехта».

Два сторожевых корабля, утюжившие бухту, тотчас заметили всплывшую подводную лодку. Развернувшись для атаки, они ринулись наперерез «Северянке».

Но пушка подводной лодки уже была освобождена Никишиным от надульной пробки и приведена артиллеристами в боевую готовность.

— Девушка любит ласку, пушка любит смазку, — пробормотал Никишин свою излюбленную прибаутку, убедившись, что обильно смазанная салом пушка при погружениях нисколько не пострадала от морской воды.

Матросы-пулеметчики укрепили и так же мгновенно, как артиллеристы, развернули пулеметы для боя.

Все было заранее обусловлено еще внизу, специальными распоряжениями Логинова, и потому происходило сейчас без обычных, полагавшихся в таких случаях рапортов.

...Огонь по немецким сторожевикам подводники открыли немедленно, как только поняли, что обнаружены врагом.

Всплески немецких снарядов вставали все ближе и ближе к подводной лодке. Взвизгнули пули, черкнув по корпусу.

Ощетинившись пулеметными очередями, вздрагивая от выстрелов своего оружия и близких разрывов вражеских снарядов, «Северянка» продолжала итти вперед. Но

оторваться от быстроходных сторожевиков подводная лодка не могла. Единственным выходом был неравный бой и поражение противника.

Снизу из люков чьи-то проворные руки поднимали один за другим открытые ящики с тускло поблескивающим боезапасом. Механик, кок, радисты — все, кто мог, подавали снизу снаряды и патроны.

Всплески снарядов одного из сторожевиков, поднимавшиеся только что перед подводной лодкой, теперь встали позади.

«Вилка! Плохо дело, сейчас накроют!» — подумал каждый из находившихся наверху.

Но в тот же миг снаряд «Северянки» угодил в носовую часть борта сторожевика. В густом дыму сверкнуло яркое соломенно-желтое пламя, в воздух взлетели обломки.

— Ура, в боезапас угодили!.. — не удержался от восторженного крика Никишин.

Корма «Рупрехта» тем временем ушла под воду. Над поверхностью торчал лишь дымящийся нос крейсера.

Взглянув на часы, Плескач подтолкнул локтем Логинова.

— Ведем бой уже три минуты. Сеть пройдена. Через минуту прекращай огонь, погружайся!..

Логинов утвердительно кивнул.

Мельничанский перенес огонь орудия и пулеметов на оставшийся сторожевик. Но тот сбавил ход и явно остерегался лезть на рожон, предпочитая дуэль издали.

Снаряды сторожевика рвались по соседству с лодкой. Трассирующие пули с неприятным, надтреснутым звоном стали ударяться о палубу, угрожая подводникам, находившимся наверху.

Пули эти казались глазу цветными, светящимися копьями, вонзающимися в борт палубы подводной лодки. И вдруг один из самых назойливых пулеметов сторожевика захлебнулся, видимо, подбитый снарядом «Северянки».

— Ага! — злорадно прошептал Евсеев.

Он стоял у нактоуза и, передавая снаряды, заметил, что краска на орудии подводной лодки от сильного жара уже пошла пузырями.

«Немедленно прикажу выкрасить, как только в базу придем», — подумал старпом.

Плескач крикнул Логинову:

— Погружайся! Пора!..

— Прекратить огонь!.. Все — в люк!.. К погружению! — зычно скомандовал Логинов.

И в тот же миг Евсеев ощутил сильный удар в грудь. Исчерченное цветными пунктирами трасс, багровое от пламени небо запрокинулось над его головой.

— Что со мной? — вымолвил Евсеев. — Неужели ранен?

Мимо него в зареве мелькали силуэты товарищей, спускавшихся в лодку.

«Не заметят впопыхах... Вдруг не заметят?» — подумалось Евсееву.

И ему представилось, что он сидит за столом у Жоры Сахаджиева и пишет письмо Наташе. Он пишет, а за дверцей рубки кто-то кричит: «Старпома — к командиру! Старпома — к командиру!..»

— Иду! — ответил Евсеев. — Иду!..

И снова открылось перед ним ржавое небо в багровых отсветах пламени и цветных каскадах трассирующих пуль. Открылось на миг и провалилось в черную, глухую темноту.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ИСПЫТАНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Каждому, право, стоило бы посмотреть на моря Арктики, увидеть наши океанские приливы и отливы, обнаженные серо-зеленые северные берега!

Скалы, изогнув мшистые спины, припадают к морю, как гигантские животные, сбежавшиеся на водопой. Земля здесь, на первый взгляд, напоминает пейзаж луны — те же мертвые ребристые лунные цирки, льдистые озера.

Но эта мертвая земля тундры живет. Жизнь ее — гам птичьих базаров на скалах, робкие полярные цветы, путаный след песца на торфяных кочках и пугливые силуэты ветвисторогих оленей — неожиданна и прекрасна. «Ну что ты находишь тут красивого? — спросят иногда бывалого полярника. — Скалы да камни...» И не всегда сможет полярник объяснить это словами. Сердцем, всем существом своим чувствует он мужественную красоту Севера, радуется его величию. Даже в огне войны не раз любовались мы летним арктическим полуночным солнцем, причудливыми многоцветными красками моря, первозданным нагромождением береговых скал.

Скала над фиордом, на вершине которой расположились разведчики в ожидании «Северянки», была стрельчатой, поднятой ввысь, как готическая башня. Отсюда можно было видеть очень далеко.

Туркин устало продолжал наблюдать за морем. Время от времени он давал позывные. В такие мгновения все, напрягаясь, всматривались вперед, ища в море спасительный сигнал подводной лодки. Но ответа не было.

Пленный, попрежнему связанный, лежал за камнем. На него уже никто не обращал внимания.

Надя сидела около спящего Мызникова и тихонько напевала:

Нам доли даются любые,
Но вижу сквозь серый туман —
Дороги блестят голубые,
Которыми плыть в океан.
Я вижу простор океанский,
Далекого солнца огонь,
К штурвалу тревоги и странствий
Моя прикоснулась ладонь...

— Моя прикоснулась ладонь... — мечтательно повторила девушка и погладила лоб и висок спящего Мызникова. — Как спутались волосы...

Мызников приоткрыл глаза и тотчас же обратился к Туркину:

— Нет «Северянки»?—но, услышав отрицательный ответ, повернулся к Наде. — А ты меня теперь не пропишешь на бюро? — лукаво спросил он.

— Не смейся,— застенчиво шепнула Надя.— Не будь злопамятен. Я ведь женщина.

— Чего же ты хочешь, о женщина?.. — любовно спросил Мызников.

— Чего?.. — переспросила Надя и засмеялась. — Хочу нравиться. Хочу, чтобы меня любили. Хочу, чтобы мне делали признания.

— «Хочу получать письма от Никишина»... — ревниво поддразнил Мызников.

— Да, и письма от Никишина! Это ведь тоже признания.

— Очень хочешь, чтобы тебя любили?..

— Очень.

— Так, как я тебя?

— Нет! — ответила Надя. — Как я тебя. И даже немножечко больше.

— А война? — напомнил Мызников.

— Ну, что ж война... Я воюю не потому, что это моя профессия. Я воюю потому, что не хочу войны. Потому, что хочу жить спокойно, среди свободных и счастливых людей. Потому, что хочу счастья для себя и для всех, для Родины. Очень хорошо будет после войны! — продолжала Надя. — Мы построим новые города. Новый Минск. Новый Смоленск. Даже Новгород, может, назовем Новый Новгород... Какая радость будет в тот день, когда наступит мир!..

...Все снова напряженно вглядывались в море, скрытое ночной мглой.

— Огонь!.. — воскликнул вдруг Маслюков. — Пишет! Ах, вы, «сигнальщики»!.. Пишет «Северянка»!

Сначала робко, а потом отчетливей замерцал вдали зеленый огонек.

Все поднялись на ноги.

— Счастливого пути, друзья! — крикнул Оге торжествующе. — Передайте спасибо вашей великой стране... Спасибо за все Сталину. Мы будем бороться. И наша родина будет свободной!..

— Спасибо! Все передам... — ответил Мызников. И обратился к разведчикам: — В шлюпку!.. Грузи фашиста, Туркин. Ты, Надя, поведешь Маслюкова.

— Я бы и сам дошел, — сказал раненый Маслюков.

Но Надя все же помогала ему подняться.

Туркин достал нож, разрезал веревки на ногах пленного. Немец встал, разминаясь.

— Какой у тебя нож? — спросил Оге Туркина. И, сняв с себя нож, предложил: — Возьми, товарищ. Будешь помнить.

— Спасибо, друг, — растроганно сказал Туркин. — Никогда с ним не расстанусь, никогда тебя не забуду. Возьми же мой взамен...

Он взял подарок Оге и отдал рыбаку свой нож. Они крепко пожали друг другу руки.

— А ты, капитан, — сказал Оге, обращаясь к Мызникову, — возьми мою трубку. Это для мужчины большая память о друге.

— Большая память, Оге... — подтвердил Мызников. — Кури мою, Оге, вспоминай...

Он принял трубку норвежца и отдал ему свою.

— Тебе — мою табакерку, — сказал Маслюкову Оге и протянул ему маленькую коробочку.

— А тебе — мой кисет, — ответил Маслюков. И, покопавшись, достал его из кармана. — Его пионерки вышивали.

— Тебе, Надя, — обернулся к девушке старик, — я подарю компас...

И, снимая компас с руки, добавил:

— Пусть он ведет тебя к счастью.

Надя обняла и расцеловала старика.

— Спасибо, родной!.. Возьми мой маленький браунинг. Я его на поле боя добыла...

— Благодарю.

Надя вздохнула над морем полной грудью.

— Вот оно, возвращение к жизни, — прошептала девушка.

Мызников подал знак, и все тронулись в путь.

Гуськом, осторожно разведчики спускались со скалы к морю и исчезали. Снизу послышался сначала легкий говор, а затем и плеск весел.

Оге, проводив друзей, снова вышел на скалу. Издалека доносился заглушенный прибоем голос Туркина: «Привет Тулейфу... До свиданья, друг!..»

Оге поднял руку, торжественно отдавая прощальный привет. Плеск весел вскоре утих, и только прибой продолжал с грохотом ударять в берег. Но Оге еще долго стоял на гребне скалы над ночным морем, салютуя ушедшим товарищам.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

СЛАВА БЕССТРАШНЫХ

Подводная лодка возвращалась в родную базу, и все снова были вместе. Шли в зоне противника, в подводном положении, временами поднимая перископ.

В центральном посту у перископа нес вахту минер Мельничанский.

Плескач, Логинов и Орлов, сгруппировавшись около Мельничанского, озабоченно совещались о чем-то. У рулей по обыкновению действовал боцман Шапочка. Меха-

ник Новгородцев за что-то выговаривал трюмному машинисту. Словом, все было, как всегда, и все-таки что-то произошло. Какое-то волнение, беспокойство выражали все лица.

Достаточно было заглянуть в кают-компанию подводной лодки, чтобы понять, в чем дело.

На обеденном столе, превращенном в операционный, лежал раненый старпом Евсеев. Сахаджиев поддерживал его, помогая Наде. Надя и Никишин в белых халатах перевязывали раненого.

— Ну, вот и все в порядке, — продолжая хлопотать, сказала Надя. — Больно было, Аркадий?..

— Не очень... — с трудом промолвил Евсеев. — Спасибо, Надя... — Он повернул голову к Сахаджиеву. — И тебе, Жора...

Сахаджиев ободряюще посмотрел на раненого.

В кают-компанию вошли Плескач, Логинов и Орлов.

— Ну, как раненый? — спросил Плескач Надю.

Надя замялась. Она была заметно расстроена и не могла этого скрыть.

— Ранение серьезное, — уклончиво сказала девушка. — Осколок пробил грудную клетку, левое легкое... Близко от области сердца.. Застрял под лопаткой... Операцию здесь, конечно, делать нельзя. Подождем до возвращения в базу. Теперь уж недолго... Заражения не будет, об этом только я и могла позаботиться... Кто делал первую перевязку?

— Неправильно? — нахмурился Плескач.

— Наоборот, очень умело.

— Боцман Шапочка, — ответил Наде Логинов. — Он у нас и за фельдшера, специально учился. Зато можем доктора не брать в поход, человеком меньше, в лодке просторнее. Народ у нас отборный, здоровый, в море болеют редко — что тут доктору делать?..

— А если бой?.. — возразила Надя.

— Надводный бой — это же исключение, — сказал

Орлов. — А под водой какие ранения? Инвалиды у нас редкость. Накроет глубинная бомба — тогда все соленой водички хлебнем — ни один не спасется. А не накроет — весь экипаж в целости!

Он посмотрел на Евсеева и сочувственно покачал головой.

— Никто и не заметил, когда его ранили, — рассказывал Логинов Наде. — Выбегаю на мостик — ночь, светло от пожара. «Рупрехт» горит! Два сторожевика сразу открыли по нас огонь. Снаряды не попадают, рядом рвутся, а трассирующие пули бьют прямо по палубе, по нас... Мы тоже открыли огонь, отбиваемся... А «Принц Рупрехт», в пламени и дыму, погружается. Прошли мы над сетью, командую — погружаться... Все — в люк. Смотрю, один силуэт поодаль остался. Сидит на мостике старпом, привалился спиной к нактоузу, ноги разбросал, голова повисла. Я — к нему. «Ранен?» Молчит. Подхватил его на плечо и в люк. Захлопнул крышку, спускаюсь по трапу, чувствую под пальцами теплое, влажное... Весь в крови. Матросы сразу его на стол. Никишин сам сначала за старпома взялся, он же у нас санитар. Боцману никак отойти нельзя было. Нас еще целый час потом глубинными бомбами гоняли. Но мы уже чувствовали себя на курорте. Вот, там, в бухте «Чулок», действительно, беспокойно было.

— Моментик был там крутой... — признался Орлов.

— Все вспомнили, все передумали в эти минуты, наверное? — спросила Надя.

— Нет, — покачал головой Логинов. — В жизни это не так. Думаешь только о том, как спасти лодку, как увести лодку. Все этому подчинено. Только пришло в голову: «Вот мы тут погибнем, а товарищи в базе так и не узнают, что мы сделали и как погибли»... И от этого еще сильнее захотелось вывести корабль, и вывели... Но опасность еще не миновала. Из «Чулка» мы вырвались, к вам в фиорд пришли в темноте... Немцы и

потеряли нас... А сейчас уже поднялось солнце... Над морем наверняка целыми стаями «юнкерсы» рыщут. Шутка сказать, такого крейсера, как «Принц Рупрехт», враги лишились! У нас на пути еще могут быть встречи.

— Еще бы... — печально промолвила Надя. Она была подавлена несчастьем с Евсеевым, но Логинову показалось, что это вызвано его предупреждением об опасности.

— Но теперь пройдем, — принялся он утешать девушку. — В открытом море всегда пройдем, чтобы там ни было... От самолетов на глубины спрячемся, а если миноносцы — тогда так...

Посмеиваясь, он показал рукой зигзаг.

— Немец глубинную бомбу — сюда, мы — туда. Он — туда, мы — сюда. «Сорок лет по этому делу!» Так что не расстраивайтесь, ежели что. Без этого редкий поход бывает. Такая профессия...

— Я не расстроюсь, — слабо улыбаясь, пообещала Надя.

Она отошла в сторону. Обернувшись незаметно для Евсеева, попыталась знаками привлечь внимание Плескача.

— Куда ты ушла, Надя?.. — настороженно спросил раненый.

— Я здесь, Аркадий...

Девушка вернулась.

Сахаджиев молча поглаживал друга по руке.

— Ну, как? — тепло спросил Евсеев. — Закончил подарок Лене?..

— Уже немного осталось... Хочешь, покажу? — с готовностью, желая развлечь друга, предложил штурман.

— Покажи, — согласился старпом.

Штурман быстро принес сверток и достал пару туфелек.

— Вот исполним с ней вальс!.. — восторженно сказал он. — Помнишь, как в зале Революции, в училище!..

Каблучки из бакаута. Немного тяжеловаты, но зато сносу не будет...

— Да? — устало улыбаясь, сказал Евсеев. И, поморщившись от боли, закрыл глаза.

— Нехорошо тебе, Аркадий? — встревожился штурман. И, не ожидая ответа, завернул туфли и спрятал сверток.

— Как глупо меня ранили, — открывая глаза, с усилием произнес Евсеев.

— А ты поправляйся! Слова-то не сдержал! Помнишь, обещал после победы лезгинку вокруг перископа протанцевать.

— Кажется, не протанцую, Жора. Другое слово я, может быть, действительно, сдержу.

— Это какое?

— Помру вот. Помру — и унесу с собой твою туфельную тайну...

— Остришь все! —упрекнул друга Сахаджиев.

— Не разводи панихиды, старпом, — посоветовал Орлов.

— Он больше не будет, — сказала Надя.

— Я не ною, Дядя Надя, — рассудительно заговорил раненый. — Просто чувствую — это конец! И ты это знаешь — тоже чувствую. Вдруг не успею высказаться. Вот и говорю. Расскажешь потом Наташе все, как было. Пусть никаких трауров не устраивает, никакого вдовства — я этого терпеть не могу! Пусть замуж выходит, найдется и другой парень — не хуже. Будет плакать — скажи ей: если бы она умерла — я бы обязательно женился. Так и скажи!..

— Что ты говоришь такое, Аркадий! — рассердилась Надя.

— Желаю ей счастья — вот и все. Думаешь, мне не хочется жить? Очень хочется! Хочется снова увидеть

солнце и море, леса и реки... Очень хорошо мне было с Наташей. Спасибо ей. Скажи об этом, Дядя Надя...

Голос Евсеева прервался.

Надя взяла руку раненого и начала считать пульс.

— Сейчас впрыснем тебе, что надо, пульс станет другой — сразу приободришься, — сказала Надя, оставляя руку и отходя к шкафчику за медикаментами.

Плескач быстро последовал за ней.

— В самом деле плохо? — шёпотом спросил он.

— Очень, — глотая слезы, шепнула Надя. — Не могла же я при нем. Мне так трудно говорить... Я не думала, что он сам все поймет...

Она повернулась к шкафчику, — скрыв лицо, сделала вид, будто что-то ищет.

— Все будет хорошо, Жора, — мечтательно прошептал Евсеев. — Ты еще будешь танцевать вальс с Леной... Как в зале Революции... Под выходной там всегда танцевали. Я еще наступал девушкам на ноги, помнишь?— Он улыбнулся. — А старик Нежданов как на выпускном вечере сказал?.. «Желаю вам, товарищи, счастливого плавания и хорошей диферентовки с небольшой положительной или отрицательной пловучестью»... Как хорошо!..

— Так только старый подводник мог сказать, — с уважением вспомнил штурман Нежданова.

— И я уже старый подводник, Жора, — продолжал раненый. — Даже бывший подводник. Был в отпуску у смерти, воевал, бил немца, мог бы еще бить, но кончился отпуск. Ты не плачь, не боюсь я... Не увижу, как все будет, вот что жалко. Рано окончил войну... В самый день рождения... А то б лезгинку еще сплясал... Как это ты пел? «Кладет валами на борт шлюпку, но не погибнем мы с тобой!..» Дай мне руку... «Счастливого плавания и хорошей диферентовки!» Холодно, Жора...

Сахаджиев с готовностью протянул руку. Евсеев по-

жал ее, долго держал, не выпуская, и вдруг бессильно высвободил.

Надя, овладев собой, вернулась к раненому. В руках ее были медикаменты.

— Аркадий! — окликнула она.

Евсеев не отвечал. Плескач наклонился над ним, вгляделся пристально и отвернулся. Логинов и Орлов сняли фуражки. Сахаджиев последовал их примеру. Обнажил голову и Плескач. Надя тихо плакала. Плескач взял ее за плечи. Осторожно ступая, Логинов вышел из отсека и вскоре возвратился со свертком и развернул флаг.

В торжественном молчании он накрыл тело старпома гвардейским флагом «Северянки».

Офицеры стояли над телом боевого товарища, вспоминая славную его жизнь.

Девушка подняла голову и отерла слезы.

— Ничего, — сказала она, кусая губы. — Ничего...

Мызников с удивлением посмотрел на нее. Такой он ее еще никогда не видел. Девушка находилась здесь, рядом с ним, но мысли ее витали где-то далеко. Она говорила куда-то через моря и через годы, словно ее могли услышать, и голос ее звучал все тверже и тверже, полный решимости.

— Мы идем океаном войны, — отчетливо шептала она. — Наш путь долог и труден. Наш путь опасен. Но мы придем, жди нас, Большая Земля! Мы пробьемся!

«Северянка» шла к родным берегам.

Жди нас, Родина! Мы придем с победой — из пепла окопов и глубин морей, опаленные дымом сражений, возмужавшие от сурового труда войны. Мы будем жить! Ждите нас, матери, жены и сестры, мужья и братья. Ждите нас, наши любимые. Мы победим! Мы будем жить! Ждите нас, мы придем!..

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ПРИЕЗЖАЙТЕ В ПОЛЯРНОЕ!

Не хотел я писать никаких послесловий, да товарищи пристали. Скажи, да скажи, а дошла ли «Северянка» до базы? Ну, конечно, дошла, а как же иначе. Я даже больше скажу — Мызников и Надя счастливо поженились. Плескач попрежнему командует соединением подлодок. Логинов перешел на другую подводную лодку — побольше, стал командиром подводного крейсера. А «Северянкой» остался командовать кто, как вы думаете? Ну, конечно, Сахаджиев!

Очень тяжело перенес он свое горе, когда потерял друга Аркадия Евсеева, да еще узнал, что жена лишилась ноги во время обстрела в Ленинграде. Суровый стал, долго не улыбался. Единственная радость ему была — фашистов топить. Хорошо воевал. И сейчас успешно командует своей «Северянкой». Любимец всего экипажа. У него в войну еще много интересных приключений было. Да и у Логинова, и у Плескача, и у Орлова... Чтобы обо всем этом рассказать, нужна новая книга. Но если очень не терпится новые подробности узнать — пожалуйста, приезжайте к нам в Полярное!

А тому, кто чувствует в себе морскую душу, тому только сюда и надо ехать. Север — край великих дел. Открытые морские пути во все страны мира, и круглый год можно плавать — чего лучше?.. Как не полюбить наши студеные арктические моря! Своенравные, глубоководные, хорошие моря. Где, как не здесь, закалиться молодому человеку, приобрести опыт и мужество, хладнокровие и наблюдательность, выносливость и выдержку! Здесь можно стать отличным моряком.

Приезжайте в Полярное, друзья!

Военно-Морское Издательство просит читателей присылать отзывы об этой книге по адресу: Москва, 104, Тверской бульвар, 18, Военно-Морское Издательство.

1-10

Цена ~~1 р. 25~~ к.